

18+

СЕДЬМОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

Евгений Волков

Седьмое воспоминание

«Издательские решения»

Волков Е. И.

Седьмое воспоминание / Е. И. Волков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Анна Ветрова умеет возвращать людям утраченные воспоминания, но восемнадцать месяцев её собственной жизни остаются пустотой. Однажды она получает запись собственной смерти, датированную следующим воскресеньем. У Анны есть семь дней, чтобы понять, кто создал этот файл, почему её прошлое было стёрто и можно ли доверять людям, которых она не помнит. «Седьмое воспоминание» — психологический триллер о памяти, свободе выбора и границе, за которой спасение превращается в контроль.

© Волков Е. И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Корковая тишина	6
Глава 1. Чужая боль	13
Глава 2. Файл без прошлого	22
Глава 3. Собственная смерть	30
Глава 4. Муж, которого нет	37
Глава 5. След кольца	46
Глава 6. Нулевая сессия	54
Глава 7. Сестра помнит иначе	62
Глава 8. Комната без фотографий	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Седьмое воспоминание

Евгений Игоревич Волков

© Евгений Игоревич Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-0527-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Корковая тишина

Щелчок повторился через сорок девять секунд.

Анна отметила время на бумаге и не посмотрела на экран. Если звук совпадёт в третий раз, фон придётся считать построенным. Если не совпадёт — ошибка окажется хуже: реальная комната уже начала подчиняться записи, которой ещё не существовало.

Белые стены коркового блока отражали свет без теней. На полу возле кресла лежала красная детская варежка с выцветшей цифрой два. Софья принесла её в прозрачном пакете и не спросила, зачем предмет из железнодорожного архива понадобился в лаборатории за день до стирания.

Она стояла у шкафа с препаратами, левую руку держала на дверце. На запястье краснела нить, завязанная семью узлами.

— Ещё раз, — сказала Анна.

— Ты уже проверила дважды.

— Дважды — это повтор. Третий покажет систему.

— Или твою способность находить систему там, где тебе страшно.

Анна подняла глаза.

Софья была в зелёной рабочей куртке поверх клинической формы. Свет делал ткань почти чёрной. Лицо казалось моложе из-за усталости; под левым глазом лежала тень, которой не было утром. Они находились в блоке семь часов. За это время Софья дважды предлагала остановиться и один раз — вызвать Михаила.

Анна отказалась от обоих предложений.

— Страх тоже оставляет повторяемые следы, — сказала она.

— Ты сейчас специалист или пациент?

— Пока различаю — специалист.

— Это не критерий.

— Другого у нас нет.

На экране шла сцена, снятая с точки, которой в комнате не существовало. Анна видела собственное правое колено на белом полу, кровь на ладони и мужчину у стены. Лицо мужчины алгоритм не завершил. Он состоял из линии скулы, мокрых волос и знания о расстоянии между ними.

Этого знания было больше, чем изображения.

Анна остановила воспроизведение до того, как фигура у двери поднимет иньектор. Она видела конец достаточно раз. В первой сборке человек в белом держал устройство правой рукой. Во второй — рука менялась между кадрами. Теперь иньектор находился в левой, и красная нить на запястье проявлялась только в отражении панели.

Алгоритм выбрал Софью.

Не потому, что узнал будущее. Потому что из всех доступных людей именно её обещание защищать Анну имело наибольший вес.

— Ты меня туда поставила, — сказала Софья.

— Контур поставил.

— Из твоих данных.

— Да.

— Значит, ты.

Анна записала это рядом со временем щелчка. Не возражение. Источник ответственности.

На столе лежали шесть бумажных карточек. Безопасность. Привязанность. Стыд. Статус. Утрата. Долг. На седьмой был нарисован разомкнутый круг. Пока без названия.

Контур умел рассчитывать, как человек изменит решение, если усилить один мотив и ослабить другой. Он не угадывал мысли. Он делал некоторые мысли доступнее остальных: предупреждение страховой, задержка транспорта, сообщение о болезни близкого, медицинская рекомендация, которая появлялась ровно в тот момент, когда собственный выбор становился слишком дорогим.

Анна предложила седьмой слой как защиту от злоупотребления. Не мотив, а прогноз последствий. Система должна была показывать специалисту вероятную будущую сцену и заставлять его увидеть человека по другую сторону решения.

Ратников назвал это перспективной эмпатией.

Потом убрал слово «эмпатия» из протокола.

Щёлкнул механизм за стеной.

Анна посмотрела на механические часы. Сорок девять секунд.

Третий звук совпал с первыми двумя не приблизительно — до последнего колебания. В реальном блоке щёлкал релейный замок, но каждый раз чуть иначе: металл нагревался, пружина возвращалась с разной скоростью, дверь меняла давление воздуха. В записи звук повторялся идеально.

— Построенный фон, — сказала Анна.

Софья не испытала облегчения.

— Значит, сцена ложная?

— Значит, она собрана.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Анна включила карту источников. Система не показала привычных белых швов. Биологический след, вероятностная достройка и аффект были сведены в один слой. Так работали ранние энграммные контейнеры: человек не видел, где заканчивается память и начинается удобная связность.

Тот, кто откроет файл, почувствует сцену собственной.

— Текущая версия заметит щелчок, — сказала Анна.

— Ты уверена?

— Я замечаю.

— Ты оставляешь женщине после стирания свою профессиональную уверенность как доказательство свободы.

Анна закрыла карту.

— Навык сохранится.

— А источник навыка — нет.

— Поэтому она проверит.

— Или сделает ровно то, что ты рассчитала, и назовёт это проверкой.

Софья говорила спокойно, но пальцы на дверце шкафа побелели. Внутри находились две ампулы. Одна — для завтрашнего глубокого редактирования. Вторая — старый корковый блокатор с чёрной полосой, который Вера Соколова передала без цифровой регистрации.

Анна ещё не решила, понадобится ли вторая.

На панели возникло сообщение:

ПРОГНОЗ СХОДИМОСТИ: 86%.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ДО 20.10.41.

— Оно уже считает, что ты вернёшься, — сказала Софья.

— Не я.

— Перестань.

Слово прозвучало резче, чем всё, что она сказала за ночь.

— Завтра ты попросишь меня помочь создать человека и сразу объявишь, что он не ты. Так проще оставить ему последствия.

Анна почувствовала раздражение. Не на обвинение — на точность.

— Я не объявляю её чужой.

— Ты называешь её производной версией в каждом протоколе.

— Иначе система не разрешит разрыв.

— Система, которую ты написала.

— Не одна.

— Ответственность тоже хочешь распределить до потери узнаваемости?

Анна взяла седьмую карточку. Разомкнутый круг был нарисован её рукой утром, когда будущая сцена впервые дошла до восьмидесяти двух процентов передачи. Она хотела написать «свобода», но слово превращало неизвестность в красивое свойство. «Выбор» было слишком общим. «Отказ» описывал только один возможный поступок.

Она написала: «Авторство».

— Что это меняет? — спросила Софья.

— Если она признает мои решения своими, корневой архив откроется.

— А если не признает?

— Тогда ключ не сформируется.

— И городской пилот запустят без доказательств.

— Да.

— Значит, ты оставляешь ей свободный выбор между собственной целостностью и миллионами людей.

— Не целостностью. Моей версией целостности.

Софья отпустила дверцу шкафа.

— Иногда твои точные различия звучат как способ не слышать смысл.

Анна посмотрела на варежку. Красная шерсть потемнела у края, белая двойка была нанесена уже после аварии, в медицинском пункте. До номера существовал ребёнок. До сестринства — выбор в межвагонной щели. Анна помнила его не полностью. Часть сцены принадлежала Софье, часть — спасателям, часть была создана лечением. Но связь не становилась ложной оттого, что её происхождение оказалось сложнее семейной истории.

— Я оставлю условие, — сказала Анна. — Файл не откроется до того, как она узнает правду о нас и выберет отношение заново.

— Это условие для неё или для меня?

— Для обеих.

— И если она не выберет меня сестрой?

Анна не ответила сразу.

В старой схеме Софья была стабилизирующим родственником. В новой — вторым живым ключом. Контур любил такие назначения: один человек превращался в условие доступа другого и называл зависимость защитой.

— Тогда ты не участвуешь дальше, — сказала Анна.

— Даже если ключ не откроется?

— Даже тогда.

Софья приблизилась к столу.

— Запиши на бумаге.

Анна записала.

«Софья не является ключом, хранителем или исполнителем без отдельного текущего согласия».

— Не так, — сказала Софья. — Ты снова пишешь о функции.

— Предложи формулировку.

Софья взяла ручку левой рукой.

«Если после правды она не выберет меня семьёй, я не теряю право свидетельствовать и не обязана возвращать её к прежнему решению».

Почерк Софьи наклонился в другую сторону. Две строки рядом не складывались в общий голос.

Анна поставила дату: 22 сентября 2041 года.

За стеклом наблюдения включился свет.

Ратников вошёл без халата, в тёмной рубашке. Он должен был покинуть корпус три часа назад. Ни система допуска, ни Софья не услышали дверь.

— Вы изменили условие запуска, — сказал он.

Это не был вопрос.

Анна закрыла бумажные карточки ладонью.

— Мы проводим проверку безопасности.

— Без регистрации коркового блокатора и с отключённым журналом наблюдения.

Софья посмотрела на тёмное стекло над дверью. Индикатор записи не горел.

— Вы сами его отключили? — спросила она.

— Я пришёл поговорить без комиссии.

Ратников подошёл к носителю. Чёрная пластина лежала активным слоем вниз. В её глубине белела цифра семь.

— Перспективный объект стабилен? — спросил он.

— Нет, — сказала Анна.

— Сходимость восемьдесят шесть процентов.

— Это не стабильность. Это опасность.

— Высокая сходимость подтверждает, что модель верно описывает ваши мотивы.

— Или среда уже подготовлена под модель.

— Среда всегда участвует в решении.

— Не всегда скрыто меняет цену вариантов.

Ратников перевёл взгляд на Софью.

— Вы понимаете, что завтра она потеряет способность объяснить вам этот план?

— Поэтому план не должен зависеть от её объяснения.

— А от чего будет зависеть?

— От моего согласия в тот день, — сказала Софья.

Он едва заметно улыбнулся. Не насмешливо — как преподаватель, услышавший ожидаемую формулировку.

— Контур уже учитывает ваше стремление отделиться от её воли.

— Тогда пусть учитывает.

— Он учитывает и этот ответ.

Софья посмотрела на Анну.

Ловушка была не в том, что система знала каждое решение. Она могла объявить любое решение предсказанным после того, как человек его совершил. Так прогноз превращался в право собственности на поступок.

Анна взяла чёрный носитель.

Стекло было тёплым, как кожа.

— Уничтожить файл? — спросил Ратников.

— Нет.

— Тогда что меняется?

— Получатель.

Она сняла текущий ключ и оставила только будущий производный профиль. Без полной памяти Анна после стирания сможет открыть описательную оболочку, но не корневой слой.

Файл станет для неё угрозой, а не инструкцией. Чтобы дойти до источника, придётся собрать независимые доказательства.

Ратников наблюдал за операцией и не пытался остановить.

— Вы всё равно ведёте её к интеграции, — сказал он.

— Возможно.

— Вы рассчитываете, что она заметит швы, найдёт людей, восстановит авторство и откроет архив.

— Да.

— Наши цели совпадают.

— До последнего решения.

Он посмотрел на седьмую карточку.

— Последнее решение редко принадлежит одному моменту. Оно формируется всей дорогой к нему.

— Поэтому я не отдам вам дорогу целиком.

Анна активировала одноразовый внешний триггер. У файла не было адреса доставки. Только условие: следующий клинический сеанс, в котором профиль AVP-01 выйдет за утверждённый сценарий и потребует независимого аудита.

Лариса ещё не была выбрана. Система найдёт подходящий эпизод позже — дверь, лестница, утрата, участок неопределённости, достаточный для короткой аудиальной вставки.

От этой мысли Анну затошнило.

Будущий пациент уже существовал где-то в городе и не знал, что его боль станет входом в чужое расследование.

— Остановись, — сказала Софья.

Триггер ожидал подтверждения.

Анна могла отменить. Завтра пройти стирание, сохранить нынешнюю женщину в локальном архиве и надеяться, что Дарья или Михаил найдут другой способ. Но оба пути уже были скомпрометированы. Михаил копировал дневники. Передача была перехвачена. Дарья находилась внутри компании. Официальный совет считал пилот успешным.

— Если я не запущу, — сказала Анна, — двадцатого числа контур получит город.

— А если запустишь, используешь человека без согласия.

— Да.

— Не называй это единственным способом.

— Я не знаю другого, который успеет.

— Это не одно и то же.

Анна посмотрела на Ратникова.

Он молчал. Не уговаривал подтвердить и не предлагал альтернативу. Ему не нужно было. Любое решение Анны вело к его доказательству: если она откажется, пилот запустят; если продолжит, производная версия вероятнее дойдёт до интеграции.

Впервые она поняла, что Ратников не обязан был подменять её выбор. Достаточно было построить ситуацию, где каждый допустимый вариант работал на него.

Анна не нажала сразу.

В нижнем ящике стола лежал незапечатанный конверт. На нём она написала только: «Инструкция самой себе». Внутри уже были вложены четыре листа, но последний оставался пустым. Анна достала его.

— Что ещё? — спросила Софья.

— Условие, при котором текст можно открыть.

— Очередная дверь.

— Бумажная.

— От этого она не перестанет вести туда, куда ты решила.

Анна написала: «Выдать после раскрытия протокола 2020 года и двух независимых подписей, подтверждающих текущий выбор семейного отношения».

Софья прочла.

— Ты заставляешь нас выбрать друг друга, чтобы получить информацию.

— Нет. Если не выберем, информация останется закрытой.

— Ты слышишь себя?

Анна слышала. Разница существовала юридически и исчезала эмоционально: знание становилось наградой за правильный ответ. Она зачеркнула строку.

На новом листе написала: «Выдать, только если обе отдельно зафиксировали отношение после раскрытия протокола. Содержание и формулировки заявлений не должны совпадать. Отказ одной стороны прекращает выдачу без иных последствий».

— Лучше, — сказала Софья. — Не хорошо.

— Хорошего варианта нет.

— Есть вариант не оставлять письмо.

Анна положила ручку.

Без письма будущая версия получит только маршрут Ратникова: восстановление, корневой ключ, обещание целостности. С письмом — маршрут прошлой Анны, замаскированный под защиту свободы. Оба человека хотели оказаться последним голосом перед решением.

Она добавила первую строку инструкции: «Не считай этот текст приказом только потому, что почерк твой».

— Это снимает приказ? — спросила Софья.

— Нет. Обозначает его.

— Тогда напиши, почему мне нельзя читать.

Анна посмотрела на красную нить.

— Потому что мои доводы станут твоей обязанностью.

— А твои доводы не станут обязанностью для неё?

— Станут. Поэтому она должна читать одна и иметь возможность закрыть конверт.

— Возможность, о которой ты заранее знаешь, что она почти не воспользуется.

Анна написала и это: «Если читаешь дальше, знай: я рассчитывала, что ты не остановишься. Это часть давления, а не доказательство нашей одинаковости».

Софья положила ладонь поверх листа.

— Не проси меня завтра убеждать её, что письмо настоящее.

— Не попрошу.

— И не оставляй мне отдельную версию, где ты объясняешь, как правильно тебя спасать.

Анна посмотрела на шкаф с блокатором.

— Оставлю только условия отказа.

— Я решу, считать ли их своими.

— Да.

Это «да» далось труднее запуска. В нём не было ни гарантии, что Софья останется, ни обещания, что будущая Анна поймёт замысел правильно. Только признание: чужое решение нельзя заранее встроить в план и продолжать называть отдельным.

Анна запечатала конверт, поставила дату и время. Потом вложила в отдельную бумажную кассету карточку с шестью мотивами и седьмым словом «Авторство». На крышке написала: «Не хранить вместе». Если система найдёт один предмет, второй должен остаться у человека.

Наконец она вернула ладонь к панели.

Анна нажала подтверждение.

ВНЕШНИЙ ТРИГГЕР АКТИВЕН.

Софья отступила.

Не демонстративно. На расстояние, которое теперь принадлежало ей.

— Запиши вред, — сказала она.

Анна взяла бумажный блокнот.

«Я использовала неизвестного пациента как вход без согласия. Срочность не отменяет нарушения».

Рука не дрожала. Это делало запись хуже.

Ратников прочёл через её плечо.

— Вы рассчитываете, что вина изменит будущую версию.

— Нет. Рассчитываю, что факт не позволит ей назвать меня героем.

— Она может вас возненавидеть.

— Да.

— И отказаться от интеграции.

— Да.

— Тогда пилот сохранится.

Анна закрыла блокнот.

— Значит, отказ должен остаться возможным.

В коридоре раздались шаги. Дежурная смена приближалась к блоку. До восстановления журналов оставалось меньше минуты.

Ратников взял белый халат со спинки кресла и надел его, будто только что вошёл для плановой проверки.

— Завтра вы попросите глубокое редактирование, — сказал он. — После него эта беседа останется у меня, Софьи и в бумаге, которую легко уничтожить.

— Не уничтожайте, — сказала Анна Софье.

— Это просьба или приказ?

— Просьба.

— Я решу утром.

Анна кивнула.

На панели перспективный объект снова дошёл до сцены с инъектором. В отражении щитка появилась красная нить. Мужчина у стены попытался подняться. Над ним горело восемьдесят два процента.

Теперь Анна знала, почему сцена выглядела неизбежной. Она сама выбрала самые устойчивые мотивы каждого человека и позволила алгоритму поставить их на нужные места.

Но файл не знал, что Софья уже отступила на собственное расстояние. Не знал, сохранит ли она бумагу. Не знал, откроет ли будущая Анна дверь. Не знал, станет ли мужчина у стены ближе или опаснее после правды.

Он знал только прошлое достаточно хорошо, чтобы выдать его продолжение за память.

Щёлкнул релейный замок.

На этот раз интервал был сорок восемь секунд.

Анна поставила на бумаге новую отметку.

Прогноз уже начал ошибаться.

Глава 1. Чужая боль

— Не открывайте дверь, — сказала Лариса.

Двери в комнате не было.

Анна не стала её поправлять. Она сидела напротив пациентки, положив ладони на колени так, чтобы Лариса видела обе руки. Между ними стоял низкий стол из матового стекла. В его глубине медленно двигались светлые точки — схема текущей нейронной активности, превращённая дизайнерами «Мнемоса» в нечто похожее на снег.

За спиной Ларисы тянулось искусственное окно. По ту сторону стекла шёл октябрьский дождь, хотя настоящий московский день был сухим и холодным. Капли стекали по виртуальному небу одинаковыми дорожками. Каждая шестая задерживалась у нижнего края, собиравшись в тяжёлую прозрачную бусину и исчезала.

Анна заметила повтор ещё в начале сеанса. Теперь он раздражал.

— Какую дверь вы видите? — спросила она.

Лариса не ответила. Её зрачки двигались под закрытыми веками, будто она читала текст, напечатанный на внутренней стороне кожи. На висках белели две контактные пластины. Третья, тонкая как лепесток, лежала за левым ухом.

На стеклянном столе одна из точек вспыхнула жёлтым.

— Эмоциональный пик, — тихо сказала Дарья из аппаратной.

Её голос пришёл через почти незаметный динамик в спинке кресла Анны.

— Вижу.

— Можно снизить интенсивность.

— Пока нет.

Анна наклонилась ближе.

— Лариса, вы на лестничной площадке?

Губы пациентки дрогнули.

— Пахнет луком.

— Жареным?

— Горелым. Снизу. Они опять забыли сковороду.

Голос был ровным, но пальцы правой руки впились в подлокотник. На ногте большого пальца осталась полоска тёмного лака. Лариса сняла покрытие перед процедурой, как требовали правила, однако один узкий след пережил растворитель. Он был почти чёрным, с красным отблеском.

Анна перевела взгляд на таблицу в углу стекла. Исходное воспоминание: подъезд дома на улице Маршала Рыбалко, вечер 3 ноября 2038 года. Лариса возвращается с работы. На площадке между шестым и седьмым этажами слышит крик. Через двадцать семь секунд её муж падает в лестничный пролёт.

Три года лечения не помогли отделить звук падения от всего, что произошло потом. Лариса не могла подниматься по лестницам, входить в подъезды без прозрачных стен и слышать, как соседи двигают мебель. Она знала, что муж погиб мгновенно. Её тело продолжало ждать второго удара.

Сегодня Анна должна была вернуть воспоминанию последовательность. Не стереть крик. Не убедить Ларису, что она ничего не видела. Только восстановить те несколько секунд, которые мозг превратил в одну бесконечную угрозу.

— Что у вас в левой руке? — спросила Анна.

— Пакет.

— Тяжёлый?

— Молоко. Хлеб. Апельсины.

В медицинской карте значились молоко, хлеб и банка кофе.
Анна отметила расхождение.

— Апельсины видно?

— Сетка режет пальцы.

Пациентка слегка сжала левую руку. На коже появились белые полосы, хотя никакого пакета не было.

След, подумала Анна. Не сшивка.

Тело редко лгало уверенно. Разум делал это постоянно.

— Хорошо. Не отпускайте пакет. Посмотрите на ступени.

— Там вода.

— Откуда?

— Кто-то помыл пол.

В карте не было воды.

Светлые точки в стекле ускорились. Несколько соединились белой линией. Алгоритм «Канва» отмечал участок, где подлинный нейронный след переходил в реконструкцию. На экране эта граница напоминала тонкий шов на ткани.

Анна не любила белые швы.

Они выглядели слишком аккуратно.

— Дарья, убери визуальную достройку на три процента.

— Тогда площадка начнёт распадаться.

— Пусть.

Виртуальный дождь за спиной Ларисы на секунду замер. Видимо, система перераспределяла мощность. Потом капли продолжили движение.

Лариса вздрогнула.

— Лампочка погасла.

— Вы всё ещё на шестом этаже?

— Я не знаю.

— Вы чувствуете перила?

— Холодные.

— Правой рукой?

— Да.

Правая рука Ларисы по-прежнему сжимала кресло.

Анна подалась вперёд.

— Лариса, не ищите картинку. Скажите, что происходит с вашим телом.

Пациентка сглотнула.

— Я стою.

— Обе ноги на ступени?

— Нет. Левая выше.

— Значит, вы поднимаетесь.

— Я возвращаюсь домой.

— Да.

— Он уже кричит.

— Кто?

Лариса открыла глаза.

На короткое мгновение взгляд был совершенно ясным.

— Не он.

Жёлтая точка на столе стала красной.

— Анна, — сказала Дарья. — Интенсивность выше протокола.

— Лариса, закройте глаза. Оставайтесь со мной.

— Там девочка.

На миг Анна увидела не комнату, а гладкую белую дверь из сна, повторявшегося после аварии. За дверью кто-то говорил детским голосом. Просыпаясь, Анна никогда не могла вспомнить слова — только уверенность, что услышала предупреждение слишком поздно.

Она моргнула. Белая дверь исчезла.

Анна посмотрела на таблицу. В исходных материалах девочки не было. Ни в показаниях, ни на записи домофона, ни в рассказах соседей.

— Где она?

— У двери.

— Как она выглядит?

Лариса задышала чаще.

— Не открывайте.

— Что на ней надето?

— Я не вижу.

— Тогда откуда вы знаете, что это девочка?

Пауза затянулась.

Анна слышала мягкий гул климатической системы. За искусственным окном очередная шестая капля остановилась на том же месте.

— Она плачет, — сказала Лариса.

В её голосе впервые появился страх.

Не воспоминание о страхе. Настоящий, текущий страх.

Анна коснулась края стола. Интерфейс раскрыл дополнительные слои. Биологический след — семьдесят два процента. Сшивки — двадцать один. Неопределённый источник — семь.

Семь процентов были слишком большим отклонением для шума и слишком малым, чтобы построить полноценную сцену.

— Дарья, источник аудиального слоя?

— Проверяю.

— Отключи внешнюю реконструкцию речи.

— Она и так отключена.

Анна подняла голову.

За стеклом аппаратной Дарья сидела в полутьме перед дугой мониторов. Даже на расстоянии было видно, как она выпрямилась.

— Повтори.

— Речевая достройка не активна. Мы не генерируем голоса.

Лариса прижала подбородок к груди.

— Она говорит, что нельзя открывать.

— Дверь вашей квартиры?

— Нет.

— Дверь соседей?

— Нет.

— Тогда какую?

Лариса начала раскачиваться. Амплитуда была едва заметной, но ритм совпадал с красными вспышками в стекле.

Анна посмотрела на её руки. Левая по-прежнему удерживала воображаемый пакет. Правая стискивала подлокотник. Воспоминание и комната существовали одновременно, не смешиваясь. Это было хорошо. Пока хорошо.

— Лариса, назовите три вещи, которые вы видите здесь.

— Стол.

— Ещё.

— Окно.

— Ещё одну.

Пациентка открыла глаза. Взгляд остановился на лице Анны.

— Вас.

— Где вы находитесь?

— В клинике.

— Какой сегодня год?

— Две тысячи сорок первый.

Красная точка погасла до оранжевой.

— Отлично. Теперь вернёмся только на один шаг. Не к крику. Не к двери. К пакету в левой руке. Что с ним происходит?

Лариса закрыла глаза.

— Он рвётся.

— Сетка?

— Да.

— Что падает?

— Апельсины.

Анна не двигалась.

Один апельсин мог быть сшивкой. Три — тоже. Но тело Ларисы уже сообщило о сетке раньше, чем она увидела сцену. В медицинской карте продукты перечислял следователь со слов соседки. Он мог ошибиться. Сама Лариса после гибели мужа не давала связных показаний.

— Сколько?

— Четыре. Нет, пять.

— Не считайте. Просто смотрите.

— Один катится вниз.

Дыхание Ларисы замедлилось.

— За ним не надо идти, — сказала Анна.

— Я знаю.

— Что вы делаете?

— Ставлю пакет на ступень.

Белый шов на стекле разошёлся, словно нить вытянули из ткани. Под ним появился ещё один ряд светлых точек — слабый, неровный, но биологически согласованный.

Анна почувствовала короткое удовлетворение. Не облегчение. До завершения было далеко.

Потерянный переход существовал. Лариса не сразу услышала крик мужа. Сначала порвался пакет. Она остановилась. Положила покупки. Возможно, это давало мозгу несколько дополнительных секунд — пространство между обычной жизнью и катастрофой.

— Что дальше?

— Дверь открывается.

— Какая дверь?

— На седьмом.

— Вы видите девочку?

Лариса нахмурилась.

— Какую девочку?

Анна задержала дыхание.

— Ту, которая плакала.

— Там никого нет.

В стекле погасли последние оранжевые точки.

Дарья ничего не сказала, но Анна почувствовала её внимание из-за стены.

- Хорошо, — произнесла Анна. — Не ищите её. Что вы слышите?
- Голоса.
- Сколько?
- Два.
- Узнаёте?
- Сосед. Игорь.
- Игорь — муж Ларисы.
- Они спорят?
- Нет. Игорь говорит тихо.
- Что именно?

Лицо пациентки изменилось. Не исказилось от боли — стало моложе. Так иногда происходило, когда человек встречал в памяти того, кого долго помнил только мёртвым.

- «Отойди от края».

Анна взглянула на исходную таблицу. В официальной версии муж Ларисы поскользнулся во время ссоры с соседом. Сосед утверждал, что пытался его удержать. Следствие не нашло состава преступления.

- Кому он это говорит?
- Соседу.
- Что делает сосед?
- Смеётся.
- Почему?
- Он пьяный.
- А Игорь?
- Берёт его за рукав.

Пальцы Ларисы разжались. Правая ладонь легла на подлокотник.

- Потом?
- Сосед дёргается.

В комнате стало очень тихо. Даже климатический гул будто ушёл дальше.

- Лариса, вы можете остановиться.
- Нет.
- Вы можете.
- Я всегда останавливалась раньше.

Анна не ответила. В таких словах легко было услышать просьбу продолжить. Иногда это была просьба врача, а не пациента.

Она посмотрела на биологические показатели. Пульс высокий, но ровный. Корковая связность сохранялась. Признаков захвата воспоминанием не было.

- Тогда продолжайте столько, сколько сможете.

Лариса вдохнула.

- Игорь не падает сразу.

По белому шву прошла рябь.

- Он ударяется плечом о стену. Сосед хватается его. Я думаю, что удерживает. Потом... нет.

Её голос стал хриплым.

- Что «нет»?
- Он толкает.

На столе вспыхнул новый слой. Не реконструкция. След.

Анна смотрела, как система меняет маркировку эпизода. Раньше падение считалось несчастным случаем, собранным из обрывков. Теперь обнаруживалась связная моторная последовательность: движение чужой руки, смещение тела, удар о перила.

Это не означало, что воспоминание юридически достоверно. Но означало, что Лариса видела больше, чем могла рассказать.

— Вы не обязаны сейчас решать, что это значит, — сказала Анна.

— Он его толкнул.

— Возможно.

— Я видела.

— Вы вспоминаете, что видели. Это важно. Но мы проверим след отдельно.

Лариса открыла глаза.

— Вы мне не верите?

— Я верю, что это воспоминание существует. Это не то же самое, что знать, почему оно существует.

Боль на лице Ларисы сменилась раздражением. Анна предпочитала раздражение беспомощности. Злость возвращала человеку границы.

— У вас на всё есть оговорка.

— Почти на всё.

— А на смерть?

Вопрос прозвучал без нажима.

Анна машинально потёрла безымянный палец правой руки. Она заметила это движение и сразу опустила руку.

— Смерть обычно удаётся подтвердить, — сказала она.

Лариса смотрела ещё секунду, потом закрыла глаза.

— Я слышу, как он падает.

— Где вы?

— На лестнице.

— Что под левой ногой?

— Ступень.

— Под правой?

— Ниже.

— Что вы держите?

— Ничего. Пакет упал.

— Что вы видите?

— Апельсин.

— Только его?

— Он остановился у стены.

Анна понизила интенсивность контура вручную. Не убрала звук падения — отделила его от ощущения, что оно продолжается сейчас.

— Посмотрите на апельсин, — сказала она. — Он движется?

— Нет.

— Падение закончилось?

Лариса долго молчала.

— Да.

Белый шов сомкнулся.

Не исчез. Швы не исчезали. Но теперь он связывал два края, а не скрывал пустоту.

Анна дождалась, пока показатели выровняются, и начала вывод.

— Вы в клинике. Сеанс завершён. Я посчитаю от пяти до одного. На каждом числе вы почувствуете кресло чуть яснее.

На трёх Лариса пошевелила пальцами.

На двух за искусственным окном перестал идти дождь.

На одном пациентка открыла глаза.

Несколько секунд она смотрела перед собой, словно комната была новой и требовала проверки.

- Я помню апельсины, — сказала она.
- Запишите это после отдыха. Не сейчас.
- Пять.
- Что?
- Их было пять.
- Хорошо.

Лариса повернула голову к окну. Виртуальное небо очистилось. Между облаками появился кусок холодного голубого света.

- Девочки не было, — сказала она.
- Анна закрыла интерфейс на столе.
- В основном следе — нет.
- Значит, я её придумала?
- Пока мы знаем только, что она появилась в момент нестабильности.
- Но я слышала её.
- Я тоже видела показатели.

Лариса усмехнулась без веселья.

- Это ваш способ сказать, что я не сумасшедшая?
- Мой способ сказать, что я не буду делать вывод раньше данных.
- Очень утешительно.
- Утешение не входит в протокол.
- А что входит?

Анна посмотрела на погасшие точки в стекле.

- Возможность не принимать первую версию за окончательную.

На краю стекла возникло служебное сообщение.

НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ СЛОЙ НЕ ОБСУЖДАТЬ С ПАЦИЕНТОМ ДО ВНУТРЕННЕЙ ВЕРИФИКАЦИИ.

Под сообщением не было имени. Только знак клинического надзора — серый круг с разрывом сверху.

Анна смахнула его, не подтверждая прочтение.

- Дарья, дай мне канал без записи.

В динамике на мгновение зашуршало.

— Он больше не существует, — ответила Дарья. — После обновления все каналы пишутся.

- Тогда считай вопрос частью протокола. Было перекрёстное загрязнение?
- Контур стерильный. Я проверила буфер до сеанса.
- Повтори после вывода.
- Уже запустила.

Лариса переводила взгляд с Анны на тёмное стекло аппаратной. Она не могла слышать Дарью отчётливо, но понимала достаточно.

- Что-то попало мне в голову? — спросила она.
- Мы этого не установили.
- Но проверяете.
- Да.

Служебное сообщение появилось снова. Теперь к нему добавилась строка:

СПЕЦИАЛИСТ ВЕТРОВА: ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ УТВЕРЖДЁННОГО СЦЕНАРИЯ РЕКОНСОЛИДАЦИИ.

Анна почувствовала знакомое желание закрыть все открытые окна интерфейса разом. Оно появлялось с тех пор, как её вернули к работе: любое предупреждение казалось не замечанием, а рукой, уже лежащей на выключателе.

Официально она была полностью здорова. Неофициально каждый её сеанс проходил под дополнительным наблюдением. После аварии руководство называло это поддержкой. Анна называла это тем, чем оно было: проверкой, не стала ли она риском для пациентов и компании.

Она открыла журнал и поставила отметку рядом с неопределённым слоем.

ТРЕБУЕТ ВНЕШНЕГО АУДИТА

Интерфейс запросил подтверждение.

Дарья тихо выдохнула в динамик.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда зачем подтверждаешь?

— Потому что не уверена.

Анна приложила палец к стеклу.

Серый круг надзора сменился красной рамкой. Теперь запись нельзя было удалить без отдельного следа в системе. Если девочка оказалась обычным артефактом, Анне напомним о нарушенном сценарии, о недавнем допуске и о необходимости беречь восстановление. Если артефактом она не была, кто-то наверху сначала попытается объяснить, почему система создала чужой голос внутри закрытого воспоминания.

Лариса смотрела на неё внимательнее, чем во время сеанса.

— У вас неприятности?

— Пока только данные.

— Они бывают неприятностями?

Анна закрыла журнал.

— Чаше, чем люди.

За стеклом Дарья подняла обе руки, показывая, что больше ни к чему не прикасается. На одном из мониторов всё ещё горела цифра семь. Потом экран погас, но Анна успела заметить: значение не колебалось ни на одну сотую.

Лариса опустила взгляд на свои руки. Тёмная полоска лака на большом пальце казалась тонкой засохшей кровью.

— Соседа можно привлечь?

— Это вопрос не ко мне. Сначала мы повторим проверку без реконструкции. Потом материал изучит независимый эксперт.

— Независимый от кого?

Анна не сразу ответила.

В «Мнемосе» любили слово «независимый». Оно встречалось в договорах, рекламных текстах и названиях внутренних комиссий. Обычно независимость означала, что люди сидели в другом здании и получали деньги через ещё одну компанию.

— От вашей терапии, — сказала она.

Это было точнее и уже поэтому звучало менее обнадеживающе.

Дверь в коридор открылась бесшумно. Вошёл младший врач Никита с серым пледом и стаканом воды. Он улыбнулся Ларисе тем осторожным образом, которому учили на первом курсе: достаточно тепло, чтобы не показаться равнодушным, и достаточно нейтрально, чтобы пациент не принял участие за близость.

— Как вы? — спросил он.

— Мой муж, возможно, был убит, а я три года считала, что сошла с ума.

Никита замер со стаканом в руке.

Анна поднялась.

— Проводи Ларису в тихую комнату. Без новостей, звонков и повторного просмотра материалов в течение двух часов. Давление каждые пятнадцать минут.

— Конечно.

— И вызови дежурного психолога.

Лариса посмотрела на Анну.

— Вы не придёте?

— Я закончу разметку сеанса и зайду к вам.

— Вы обещаете?

Анна не любила обещаний, зависящих от чужих систем.

— Да.

Пациентка кивнула и позволила Никите набросить плед ей на плечи. У двери она остановилась.

— Девочка сказала ещё кое-что.

Анна почувствовала, как внимание собирается в одну точку.

— Что именно?

— Не знаю. Сначала не слышала. Или не хотела слышать.

— Не пытайтесь вспоминать сейчас.

— Я уже вспомнила.

Никита взглянул на Анну, ожидая указания.

— Лариса, — сказала Анна, — скажите один раз. Потом мы не будем к этому возвращаться до проверки.

Лариса сжала края пледа у груди. За её спиной искусственное окно снова включило дождь. Первая капля прошла по стеклу, вторая, третья. Шестая остановилась у нижнего края.

— Она сказала: «До воскресенья осталось семь дней».

Глава 2. Файл без прошлого

Дверца шкафчика была приоткрыта на ширину пальца.

Анна остановилась в конце служебного коридора, не доходя до неё трёх шагов.

Другие дверцы образовывали ровную серую стену. Тридцать одинаковых прямоугольников, встроенных между раздевалкой и шлюзом терапевтического блока. Только её шкафчик нарушал линию — тонкая чёрная щель перечёркивала металл сверху донизу.

Утром Анна закрывала его сама.

Она помнила щелчок замка. Помнила, как потянула дверцу на себя, проверяя фиксацию. После аварии такие действия приходилось удерживать намеренно: ключи, лекарства, запертые окна, время выхода из дома. Но закрытые дверцы она проверяла и раньше. По крайней мере, так утверждал её журнал.

На внутренней стороне запястья мигнуло уведомление.

ВНЕШНИЙ АУДИТ СЕАНСА 14-10-41 ПЕРЕДАН В КОМИССИЮ КЛИНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Ниже появилась вторая строка:

СПЕЦИАЛИСТУ РЕКОМЕНДОВАНО ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Анна смахнула сообщение, не открывая подробностей.

Лариса спала в тихой комнате под наблюдением Никиты. Давление снизилось, показатели держались в допустимых пределах. Фразу о воскресенье пациентка больше не повторяла. Это должно было успокоить.

Анна выполнила обещание и зашла к ней перед уходом. В полумраке лицо Ларисы казалось спокойнее, чем во время сеанса, но левая ладонь лежала поверх одеяла, будто всё ещё удерживала порванную сетку. На тумбочке Никита оставил один апельсин из столовой. Вероятно, хотел помочь закрепить окончание воспоминания: плод остановился, падение завершилось.

Анна убрала апельсин в ящик. Нельзя было превращать первую найденную деталь в символ только потому, что она удобно смотрелась рядом с пациенткой. Никита хотел утешить. Алгоритмы тоже часто начинали с желания сделать историю переносимой.

Лариса не проснулась. Уже в дверях Анна услышала, как она произнесла что-то невнятное. Анна вернулась, но повторения не последовало. На экране наблюдения осталась ровная зелёная линия сна.

Не успокоило.

Анна не приблизилась к шкафчику. Сначала посмотрела на потолок. Камера висела над дверью в раздевалку — чёрная полусфера в белом кольце. Её объектив захватывал весь коридор, включая ряд шкафов.

Она вызвала внутреннюю охрану.

— Служебная зона четыре, — сказала Анна. — Возможное несанкционированное проникновение в персональный шкафчик. Не блокируйте камеру и не очищайте журнал доступа.

— Назовите идентификатор.

— Ветрова, Анна Сергеевна. Шкафчик двести семнадцать.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Дверца открыта?

— Приоткрыта.

— Ничего не касайтесь. Сотрудник будет через две минуты.

Анна завершила вызов и отступила к противоположной стене. Стоять спиной к двери в раздевалку было неудобно. Она сместилась так, чтобы видеть оба выхода.

Через стеклянную перегородку показалась Дарья. Белый халат она несла на сгибе локтя, под ним виднелась чёрная водолазка. Увидев Анну, Дарья замедлила шаг.

— Ты решила закончить день в коридоре?

Анна указала на дверцу.

Дарья перестала улыбаться.

— Ты её так оставила?

— Нет.

— Это уверенный ответ или твой любимый статистический?

— Уверенный.

Дарья подошла ближе, но остановилась рядом с Анной.

— После сегодняшнего сеанса я бы избегала уверенных ответов.

— После сегодняшнего сеанса я особенно не хочу, чтобы кто-то открывал мой шкафчик.

— Там есть что-нибудь ценное?

— Бумажный блокнот.

— Значит, да.

Из шлюза вышел охранник. Анна видела его несколько раз у главного входа, но имени не помнила. На воротнике формы светился прямоугольник допуска: СЕРГЕЙ МАЛИНИН, ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

Он был старше неё лет на десять, с коротко остриженными седыми висками и лицом человека, которого чаще звали к уже случившимся неприятностям.

— Кто обнаружил?

— Я, — сказала Анна.

— Время?

— Восемнадцать сорок две.

Малинин посмотрел на часы.

— Сейчас восемнадцать сорок три.

— Я вызвала вас через двадцать восемь секунд после обнаружения.

Он перевёл взгляд на Дарью.

— Вы присутствовали?

— Подошла после вызова.

— Хорошо. Оставайтесь у стены.

Охранник надел прозрачные перчатки и провёл ладонью перед замком. Над дверцей развернулась схема доступа. Зелёная строка была одна.

07:51 — ВЕТРОВА А. С. — ОТКРЫТИЕ.

07:53 — ВЕТРОВА А. С. — ЗАКРЫТИЕ.

После неё — ничего.

— Журнал говорит, что шкаф не открывали, — произнёс Малинин.

— Журнал ошибается.

— Замок не повреждён.

— Тогда ошибается не только журнал.

Малинин коснулся камеры на воротнике. Чёрная полусфера под потолком повернулась на несколько градусов, подтверждая соединение.

— Поднимите запись с семи сорока пяти до текущего времени. Коридор четыре, камера четыре-два.

Перед ним возникло полупрозрачное окно. Утренняя Анна вошла в кадр в графитовом костюме, открыла шкафчик, положила внутрь пальто и бумажный блокнот. Перед закрытием она поправила край сложенного халата. Потом потянула дверцу на себя, проверяя замок.

Малинин посмотрел на неё.

— Вы всегда так делаете?

— Что?

— Проверяете дважды.

— Да.

Запись ускорилаcь. Люди проходили по коридору, исчезали за шлюзом, возвращались. Никто не останавливался у двести семнадцатого. В двенадцать двадцать Анна сама появилась в кадре, прошла мимо шкафчика, не касаясь его. В шестнадцать пятьдесят семь Дарья разговаривала у раздевалки с Никитой. В восемнадцать сорок одна коридор был пуст.

Затем в кадр вошла Анна.

Дверца уже была приоткрыта.

— Остановите, — сказала она.

Малинин вернул запись на несколько секунд. Серые дверцы стояли в ровном ряду. Изображение едва заметно дрогнуло — не скачок, не пропущенный кадр, скорее изменение света. После него на месте стыка появилась чёрная линия.

— Ещё раз.

Запись повторилась.

До дрожания дверца закрыта. После — приоткрыта.

Между двумя состояниями не было движения.

Дарья подошла на полшага ближе.

— Компрессия потока?

— Камеры пишут без межкадровой достройки, — сказал Малинин.

— Тогда потеря пакета.

— Контрольная сумма непрерывна.

Анна смотрела на чёрную щель. Она напоминала белый шов из памяти Ларисы, только вывернутый наизнанку: не попытка соединить края, а разрез, за которым отсутствовало событие.

— Открывайте, — сказала она.

— Сначала дистанционное сканирование.

Малинин вынул из пояса плоский датчик. Голубая сетка прошла по металлу, задержалась на замке, проникла внутрь.

— Активного источника питания нет. Химических испарений нет. Органических следов... только ваши, специалист Ветрова. И ещё несколько старых, вероятно, от технического обслуживания.

— Мой блокнот внутри?

— Вижу предмет из целлюлозы. Формат подходит.

— Открывайте.

Он взялся за край дверцы и медленно потянул её на себя.

На верхней полке лежало пальто Анны. Рукава были сложены внутрь именно так, как она оставила утром. На крючке висела рабочая сумка. Бумажный блокнот стоял в боковом кармане, корешком наружу.

На белом халате лежала чёрная пластина.

Она была размером с половину ладони и такой тонкой, что могла бы оказаться обломком защитного стекла. Матовая поверхность не отражала лица — только поглощала свет, оставляя на ткани прямоугольник без глубины.

Анна не помнила, чтобы видела подобные носители.

И всё же знала, как его взять.

Это знание возникло раньше мысли: два пальца по коротким сторонам, не касаться центральной области, не поворачивать активным слоем к лицу.

Она сжала руки, не позволяя им двигаться.

— Узнаёшь? — спросила Дарья.

— Нет.

— Но?

— Ничего.

Дарья посмотрела на неё слишком долго, но спорить не стала.

Малинин приблизил сканер к пластине. На экране побежали строки, затем одна за другой погасли.

— Устройство не отвечает.

— Потому что это может быть не устройство, — сказала Дарья.

— А что?

— Энграммный контейнер старого типа. Или очень хорошая имитация.

Малинин нахмурился.

— Такие носители запрещены вне лицензированной лаборатории.

— Поэтому я сказала «может быть».

Анна присмотрелась. Под прямым светом поверхность оставалась чёрной. Когда Малинин слегка изменил угол сканера, в глубине стекла проступила тонкая царапина. Нет, не царапина — две пересекающиеся линии, одна почти горизонтальная, другая наклонная.

Цифра семь.

Она появлялась только на мгновение, как след на тёмной воде.

Дарья тоже её увидела.

— Номер образца?

— На образцах маркировка снаружи, — сказала Анна.

— На легальных.

Малинин закрыл шкафчик, оставив пластину внутри.

— Зону опечатываем. Предмет передаём в центральную экспертизу.

— Нет, — сказала Анна.

Он повернулся к ней.

— Это не просьба.

— На носителе может находиться нейроматериал, связанный с моей биологической подписью. Передача третьим лицам без установления владельца нарушит протокол конфиденциальности.

— Предмет обнаружен на территории компании.

— В моём персональном шкафчике.

— После возможного нарушения безопасности.

— Тем более цепочка доступа должна начинаться с медицинской идентификации, а не с изъятия службой охраны.

Малинин посмотрел на Дарью.

— Вы можете провести идентификацию здесь?

— В форензической второй. Без открытия содержимого.

— С записью каждого действия.

— Разумеется.

— И предмет остаётся в клинике.

Анна почувствовала, как внутри поднимается сопротивление. Не страх перед пластиной — страх перед тем, что она исчезнет в одном из отделов, доступ к которым ей «временно ограничили» после аварии.

— До установления владельца, — сказала она, — носитель находится под моим клиническим согласием. Если он мой, я решу, где его открывать.

— Если он ваш, — повторил Малинин.

— Именно это мы проверим.

Он помолчал, затем снова открыл шкафчик. На этот раз использовал изолирующую рамку. Чёрная пластина поднялась над халатом, не соприкасаясь с его руками, и легла в прозрачный контейнер.

Когда крышка закрылась, на её внутренней стороне выступил иней.

Тонкая белая кромка быстро обежала прямоугольник. В центре чёрного стекла цифра семь проступила полностью — не нанесённая краской, а словно вырезанная в темноте.

Через секунду иней растаял.

— Температурная реакция, — сказала Дарья.

— Пассивный материал, — возразил Малинин.

— Пассивные материалы тоже умеют отвечать, если правильно задать вопрос.

Форензическая лаборатория находилась двумя этажами ниже и пахла холодным пластиком. Здесь не было искусственных окон, мягких кресел и спокойных изображений воды. Только металлический стол, три изолированных контура и белый свет, от которого кожа казалась бескровной.

Малинин поставил контейнер в центр первого контура. Анна подписала журнал процедуры. Дарья включила сканирование.

Первые минуты не происходило ничего.

— Структуры хранения нет, — сказала Дарья. — По крайней мере, стандартной. Нет файловой системы, нет служебного слоя, нет производителя.

— Пустышка? — спросил Малинин.

— Пустышка не реагировала бы на охлаждение.

— Возможно, маркировка проявилась физически.

— Возможно, у вас очень скучная работа и вы поэтому отвергаете всё интересное.

— Дарья, — сказала Анна.

— Молчу.

Она не замолчала, только перестала говорить вслух. Пальцы двигались над панелью, меняя частоту сканирования. На экране одна за другой появлялись пустые схемы.

Анна смотрела на пластину. Чем дольше она лежала под светом, тем сильнее ей хотелось перевернуть её активным слоем вниз. Неправильное положение раздражало почти физически.

Она не знала, какая сторона активная.

— Останови, — сказала Анна.

Дарья убрала руки.

— Что?

— Переверни её.

— Почему?

Анна не ответила сразу. Пять секунд растянулись достаточно, чтобы услышать вентиляцию и далёкий звон лифта.

— Потому что она лежит неправильно.

Малинин скрестил руки.

— Вы сказали, что не узнаете предмет.

— Не узнаю.

— Но знаете, как он должен лежать.

— Я предполагаю.

Дарья перевернула пластину манипулятором.

По экрану прошёл импульс.

Все пустые схемы исчезли. Вместо них возникла тонкая белая дуга, похожая на отпечаток звуковой волны.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОСИТЕЛЯ.

Три секунды — и новая строка:

ТРЕБУЕТСЯ НЕЙРОННЫЙ КЛЮЧ.

Малинин выпрямился.

— Не касаться.

— Я не собиралась, — сказала Анна.

Это было неправдой. Ей уже хотелось проверить, отзовется ли стекло на тепло пальцев.

Дарья вывела список допустимых методов.

— Можно сравнить запрос носителя с профилями сотрудников, не устанавливая соединения. Он покажет только степень соответствия.

— Все профили? — спросил Малинин.

— Начнём с Анны. Предмет был у неё.

Анна приложила ладонь к считывающей панели. Холодный круг сомкнулся вокруг основания большого пальца. Система подняла её текущий профиль — тот, который составили после аварии и использовали для допуска к пациентам.

Дарья направила на пластину слепой запрос.

Белая дуга дрогнула.

СООТВЕТСТВИЕ: 81,4%.

— Недостаточно, — сказал Малинин.

— Для чужого человека слишком много, — ответила Дарья.

Она нахмурилась и открыла архив калибровок.

— У тебя меняли профиль доступа после возвращения?

— Полностью.

— Доаварийный корневой шаблон сохранился в резерве. Я могу сравнить без разблокировки.

Малинин покачал головой.

— Резерв ограниченного доступа.

— У меня есть форензический допуск.

— А у неё нет согласия на использование старого профиля.

Анна посмотрела на пластину. Чёрная поверхность снова казалась мёртвой, но теперь в её глубине медленно двигалась едва заметная светлая точка.

— Согласие есть, — сказала она.

Дарья вызвала форму. Анна прочитала её дважды и подтвердила.

На экране появился второй профиль без изображения и личных данных — только дата последней полной калибровки.

22 СЕНТЯБРЯ 2041.

За день до аварии.

Дарья провела сравнение.

СООТВЕТСТВИЕ: 99,97%.

Никто не заговорил.

Анна смотрела на дату. Она знала, что проходила калибровку двадцать второго сентября: запись была в медицинском журнале. Самого дня не помнила. Как и восемнадцати месяцам до него, ему принадлежало место в биографии, подтверждённое документами, но не ощущением.

— Контейнер создан для вашего прежнего профиля, — сказал Малинин.

— Не обязательно создан мной.

— Я этого не сказал.

Но именно это осталось между ними.

Дарья увеличила служебный слой запроса.

— Здесь есть ещё кое-что. Носитель допускает текущий профиль как производный. Поэтому он отозвался, но не открылся. Полный доступ возможен только через живую нейронную проверку.

— В клинике мы её не проводим, — сказала Анна.

— Мы вообще её не проводим, пока не установим безопасность.

Малинин снял контейнер с контура.

— Теперь предмет остаётся у внутренней безопасности.

— Нет.

— Специалист Ветрова...

— Вы только что установили, что он зашифрован моей нейронной подписью. Согласно протоколу личных энграммных данных, изъятие требует либо моего согласия, либо судебного предписания.

— Он мог быть использован для атаки на вас.

— Тогда передача неизвестному подразделению внутри системы, где уже нарушен видео-контроль, не делает его безопаснее.

Малинин прищурился.

— Вы обвиняете службу безопасности?

— Я констатирую, что ваша камера показала открытие дверцы без самого открытия.

Дарья отвела взгляд, скрывая выражение лица.

Охранник несколько секунд изучал Анну, затем открыл форму временного хранения.

— До девяти утра носитель может находиться у предполагаемого владельца в изолирующем контейнере. Без попытки открытия. Утром — центральная экспертиза.

— Я не подтверждаю передачу центральной экспертизе.

— Утром обсудите с руководством.

Анна поставила подпись только под первой частью.

На улице было уже темно. Городские окна отражались в мокром асфальте, хотя дождя не было. Анна несла прозрачный контейнер в сумке, отдельно от домашнего модуля и бумажного блокнота. Каждые несколько минут проверяла застёжку.

В квартире она первым делом закрыла входную дверь, затем дверцу шкафа в прихожей, которую оставила открытой утром. Только после этого сняла пальто.

Контейнер поставила на кухонный стол.

Над ним висел обычный жёлтый светильник. На чёрной пластине не было видно цифры. Без клинического оборудования она выглядела почти безобидно — как образец материала, забытый дизайнером.

Анна достала бумажный блокнот и записала время, последовательность обнаружения, показания камеры и результаты сравнения. Почерк получился слишком мелким. Она перевернула страницу и переписала цифру крупнее:

99,97%.

Потом добавила:

«Не открывать до проверки».

Пять минут просидела напротив этой фразы.

Страх требовал убрать контейнер в дальний ящик и дождаться утра. Профессиональная осторожность требовала того же. Но за осторожностью теперь стоял Малинин, комиссия клинической безопасности и камера, в которой событие исчезло между двумя кадрами.

Анна включила домашний диагностический модуль в автономном режиме. Отключила внешнюю сеть, вынула из стены оптический канал и убедилась, что индикатор связи погас. Модуль предупредил, что без серверной поддержки анализ будет ограничен.

— Тем лучше, — сказала Анна.

Собственный голос прозвучал в пустой кухне чужим.

Она поместила контейнер в считывающее поле, не открывая крышки. Домашний модуль распознал запрос нейронного ключа и показал то же неполное соответствие. Затем предложил безопасный просмотр описательной оболочки — без подключения к содержимому.

Анна подтвердила.

Экран оставался пустым дольше минуты.

Нет автора.

Нет места создания.

Нет номера оборудования.

Нет истории копирования.

Нет даже объёма данных.

— Файл без прошлого, — произнесла Анна.

В ответ модуль вывел единственную пиктограмму: закрытый белый круг с разрывом сверху. Тот же знак, которым комиссия отметила предупреждение после сеанса Ларисы.

Анна наклонилась ближе.

Круг исчез.

На его месте возникла строка:

ОБНАРУЖЕН ОДИН ЭПИЗОДИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ.

Она не нажала «открыть». Только запросила временной индекс — параметр, который контейнер должен был хранить отдельно от сенсорного слоя.

Модуль предупредил:

ДАТА ОБЪЕКТА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ТЕКУЩЕМУ ВРЕМЕНИ.

Под предупреждением появилась дата.

20 ОКТЯБРЯ 2041 ГОДА.

Глава 3. Собственная смерть

Двадцатое октября было воскресеньем.

Анна проверила календарь дважды: сначала на домашнем модуле, потом на бумажной странице в блокноте. Между понедельником, четырнадцатым числом, и воскресеньем оставалось шесть полных суток и несколько часов.

Фраза Ларисы перестала быть совпадением, но ещё не стала фактом.

Она вывела системное время отдельной строкой и сверила его с тремя независимыми источниками: кварцевым часам в духовке, датой на бумажном выпуске медицинского бюллетеня и временем, напечатанным на последней странице рабочего журнала. Все указывали на четырнадцатое октября.

Потом Анна сменила часовой пояс модуля, запретила автоматическую коррекцию календаря и повторила запрос. Дата объекта осталась прежней.

- Проверить временной индекс на ручную подмену.
- Формат индекса не распознан.
- Сравнить с известными форматами.
- Совпадений не обнаружено.
- Рассчитать возраст материала по деградации слоя.
- Недостаточно данных.

Каждый ответ не приближал её к содержимому, но уменьшал число безопасных объяснений.

Анна создала чистое хранилище и попыталась скопировать туда описательную оболочку. Полоса операции дошла до одного процента и остановилась.

КОПИРОВАНИЕ НЕВОЗМОЖНО. ОБЪЕКТ НЕ ОТДЕЛИМ ОТ КЛЮЧА ПОЛУЧАТЕЛЯ.

- Получатель — я?
- Активный получатель не подтверждён.
- Тогда от какого ключа он неотделим?
- Требуется живая нейронная верификация.

Она отменила операцию.

Обычный файл существовал независимо от человека, который его открывал. Этот объект вёл себя так, будто без её мозга был не зашифрован, а не завершён.

На кухонном столе чёрная пластина лежала внутри прозрачного контейнера. Жёлтый светильник отражался в крышке двумя ровными полосами. Сам носитель света не возвращал. Он выглядел как прямоугольное отверстие, прорезанное в столе.

Анна запросила дату ещё раз.

20 ОКТЯБРЯ 2041 ГОДА.

— Источник временного индекса, — сказала она.

Домашний модуль ответил нейтральным голосом:

- Источник не определён.
- Время создания объекта.
- Метаданные отсутствуют.
- Время последнего изменения.
- Метаданные отсутствуют.
- Системная дата контейнера.
- Служебный слой не обнаружен.

Анна закрыла глаза на две секунды, затем открыла. Строка не изменилась.

Будущую дату можно было вписать в оболочку за минуту. Это ничего не доказывало. Кто-то хотел, чтобы она связала файл со словами пациентки и сама достроила угрозу. Простейшая манипуляция работала лучше сложной, если человек считал вывод собственным.

Модуль предложил три действия: закрыть объект, создать изолированную копию оболочки или провести живую нейронную верификацию.

Третья строка была выделена белым.

Анна коснулась первой. Меню свернулось, но через секунду появилось снова.

Не запрос. Напоминание.

На запястье засветился входящий вызов. Дарья.

Анна посмотрела на оптический кабель, лежавший на полу у стены. Домашний модуль оставался физически отключён от сети; вызов шёл через личный браслет.

Она приняла связь без изображения.

— Контейнер закрыт? — спросила Дарья вместо приветствия.

— Да.

— Модуль выключен?

Анна посмотрела на белую строку.

— Он автономный.

— Это не ответ.

— Это точный ответ.

— Точные ответы ты используешь, когда не хочешь дать честный.

Дарья говорила тихо. На заднем плане слышались шаги и короткий сигнал двери. Она всё ещё была в клинике.

— Малинин рядом? — спросила Анна.

— Уже нет. Центральная экспертиза прислала запрос на передачу носителя в восемь тридцать. Формулировка готова заранее, хотя официально они ещё не знают, что внутри.

— Они знают, что контейнер требует мой профиль.

— Они знают достаточно, чтобы спешить.

Анна провела ногтем вдоль края блокнота.

— Я проверю только оболочку.

— Ты уже проверила оболочку.

— В ней дата из будущего.

На другом конце стало тихо.

— Какая?

— Двадцатое октября.

Дарья не переспросила, какое сегодня число.

— Закрой модуль, — сказала она. — Сейчас.

— Почему?

— Потому что шесть часов назад пациентка назвала воскресенье. Потом в твоём шкафчике появился носитель с событием, датированным тем же днём. Если это ловушка, она рассчитана не на доверчивого человека. Она рассчитана на тебя.

— Значит, тот, кто её сделал, знает мои решения.

— Да. И это должно пугать сильнее самой даты.

Анна посмотрела на чёрное стекло.

— Я не собираюсь подключаться к полному слою.

— Анна.

— Пассивная верификация. Без аффекта и моторного отклика.

— Эпизодический объект не бывает пассивным. Ты лучше меня это знаешь.

Знала. Поэтому раздражало, что Дарья произнесла это первой.

— В девять контейнер заберут.

— Тогда пусть заберут.

— Камера в клинике потеряла событие между двумя кадрами.

— И твой вывод — забрать единственный подозрительный предмет домой.

— Мой вывод — не отдавать его системе, внутри которой исчезают события.

Дарья выдохнула.

— Хорошо. Тогда хотя бы не лги мне, что уже решила остановиться.

Анна ничего не сказала.

— Установи физический разрыв питания на девяносто секунд, — продолжила Дарья. — Не программный. Поставь предел интенсивности на двенадцать процентов. Отключи обонятельный и болевой каналы. Если модуль попросит расширить доступ — не соглашайся.

— Ты только что сказала ничего не открывать.

— Я поняла, что ты всё равно откроешь. Это не одно и то же, что разрешение.

— Спасибо за различие.

— Оно может оказаться важным.

Вызов завершился.

Анна сняла браслет и положила его экраном вниз.

На стене рядом с модулем находился механический выключатель аварийного питания — красная клавиша под прозрачной крышкой. Она подняла крышку и закрепила на клавише тонкую резиновую петлю. Другой конец натянула к кухонному таймеру. Через девяносто секунд пружина должна была сорвать петлю и обесточить систему.

Ненадёжно. Поэтому лучше программной защиты.

Анна выдвинула стул так, чтобы не сидеть спиной к прихожей. На полу, в пределах вытянутой руки, положила тяжёлую керамическую кружку. Если после просмотра она не сможет отличить сцену от квартиры, нужно будет назвать её цвет, вес и скол на ручке. Простая опора, не зависящая от электроники.

В блокноте она написала:

«Я открываю объект добровольно в 21:16. Сегодня 14 октября. Я нахожусь дома одна».

Под фразой провела линию и оставила место для времени завершения.

Анна установила интенсивность на десять процентов. Отключила болевой, обонятельный и вкусовой каналы. Заблокировала моторный вывод. Оставила зрение, слух и минимальную проприоцепцию — иначе эпизод распадался на абстрактные сигналы.

Модуль потребовал открыть контейнер.

Анна сняла крышку и впервые взяла пластину руками.

Стекло оказалось тёплым.

Не от воздуха, не от света. Тепло исходило изнутри и совпадало с температурой её пальцев так точно, что граница между кожей и носителем на мгновение исчезла. В глубине проступила цифра семь.

Анна положила пластину в гнездо активным слоем вниз.

Она не помнила, откуда знала, где активный слой.

— Начать нейронную верификацию, — сказала система.

— Только идентификация. Содержимое не воспроизводить.

— Подтвердите.

Анна приложила два пальца к контактной площадке.

Белая дуга на экране замкнулась в круг.

СООТВЕТСТВИЕ ЖИВОМУ ПРОФИЛЮ: ПОДТВЕРЖДЕНО.

Затем появилась новая строка:

ОБЪЕКТ КЛАССИФИЦИРОВАН КАК АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ.

Анна убрала руку.

- На каком основании?
- Совпадение нейронной подписи источника и получателя.
- Покажи подпись источника.
- Отдельный источник отсутствует.
- Это противоречие.
- Ошибка не обнаружена.

В кухне щёлкнул таймер, отсчитывая первую секунду.

Анна выбрала предварительный просмотр.

Модуль погасил свет.

Белая комната возникла не перед глазами, а вокруг неё.

Сначала появились линии: стык пола и стены, прямоугольник двери без ручки, узкая панель под потолком. Потом — глубина. Пространство было слишком ярким, словно свет исходил из каждой поверхности сразу.

Анна стояла на коленях.

Нет. Не стояла. Её правое колено касалось пола, левая ступня скользила, ладонь упиралась во что-то холодное. Отключённый болевой канал должен был убрать телесные ощущения, но в шее чувствовалось тупое давление, а во рту — вкус металла.

Белый пол был перечёркнут тёмным следом. Он начинался у мужчины и тянулся к панели на дальней стене, будто его пытались тащить или он полз сам. На уровне глаз в стекле панели дрожало отражение комнаты: слишком широкое, с искажёнными углами.

Анна захотела посмотреть на собственные руки. Правая была в крови, но кожа оставалась целой. Кровь принадлежала не ей. На левом запястье темнела полоса, словно там недавно находился фиксатор.

В самой сцене она это уже знала.

Не подумала, не заключила по виду следа — знала, вместе с бесполезной уверенностью, что фиксатор сняли менее минуты назад и что дверь не откроется с этой стороны.

Такая уверенность была свойственна воспоминаниям. В них человек не исследовал пространство заново: он возвращался туда, где уже был.

Но двадцатое октября ещё не наступило.

Она понимала, что находится на своей кухне. Одновременно знала, что дверь в белой комнате заперта.

Слева кто-то тяжело дышал.

Мужчина сидел у стены, придерживая плечо. Между пальцами темнела кровь. Его лицо скрывал отражённый свет, но Анна видела линию скулы и мокрые волосы, прилипшие ко лбу.

Он посмотрел прямо на неё.

— Анна.

Голос прошёл сквозь неё раньше смысла.

Она знала его.

Не имя. Не лицо. Само расстояние между ними. Знала, как быстро он попытается подняться и что сначала перенесёт вес на правую ногу. Знала, что он скрывает боль, когда говорит тише обычного.

Мужчина шевельнулся.

— Не смотри на дверь.

Анна повернулась к двери.

У неё стоял человек в белой стерильной одежде. Маска скрывала лицо, прозрачный щиток отражал комнату. В левой руке фигура держала короткий инъектор.

У фигуры на груди не было ни имени, ни знака клиники. Только узкое вертикальное окошко, под которым двигался тёмный индикатор. Свет проходил сквозь прозрачный щиток,

но лицо за ним оставалось размытым, как участок памяти, который алгоритм не сумел достроить.

— Время вышло, — сказала фигура.

Голос казался то низким, то высоким. Каждое слово проходило через фильтр отдельно, поэтому фраза не складывалась в узнаваемую интонацию.

Мужчина у стены попытался встать. Как и предчувствовала Анна, сначала перенёс вес на правую ногу. Колено подломилось, он ударился плечом о стену, но не издал ни звука.

— Не трогай её, — сказал он.

Фигура даже не повернулась.

— Решение принято до начала процедуры.

Анна хотела спросить, кем принято. Внутри записи вопрос уже существовал, но рот не произнёс его. Вместо этого её взгляд сам нашёл панель под потолком.

На панели под потолком мигала строка:

ПЕРЕДАЧА: 82%.

— Ещё нет, — сказал мужчина у стены.

Фигура шагнула к Анне.

Где-то за перегородкой раздался металлический щелчок — короткий, сухой, будто в замке повернулся слишком тяжёлый механизм.

Анна попыталась подняться. Тело внутри объекта не подчинилось. Не из-за моторной блокировки домашнего модуля. В самой сцене ноги были тяжёлыми.

— Остановить просмотр, — сказала она.

Комната не исчезла.

— Остановить.

Фигура приблизилась ещё на шаг.

— Вы сами выбрали последовательность, — произнёс искажённый маской голос.

Мужчина ударил ладонью по полу.

— Не слушай. Анна, посмотри на меня.

Она посмотрела.

На прозрачном щитке фигуры отразилась часть его лица. Светлая полоса пересекала переносицу, оставляя видимыми один глаз, висок и край рта. В выражении не было паники. Только ярость и что-то ещё, от чего Анне стало труднее дышать.

Не страх за себя.

За неё.

Фигура подняла левую руку.

Инъектор коснулся шеи.

Модуль отключил просмотр.

Кухня вернулась рывком. Анна сидела на стуле, обеими руками удерживая край стола. Светильник раскачивался, хотя она его не задевала. На экране горело предупреждение:

ПРЕВЫШЕН ДОПУСТИМЫЙ АФФЕКТИВНЫЙ ОТКЛИК.

До аварийного отключения оставалось двадцать семь секунд.

Анна коснулась шеи. Кожа была сухой и неповреждённой, но пальцы нашли точное место у основания челюсти, куда вошла игла.

— Почему не сработала команда остановки?

— Просмотр завершён в пределах заданного интервала.

— Я дала команду раньше.

— Голосовая команда в потоке не зарегистрирована.

— Я произнесла её дважды.

— Голосовая команда в потоке не зарегистрирована.

Таймер сорвал петлю.

Красная клавиша опустилась. Модуль погас, и квартира стала совершенно тихой.

Анна осталась сидеть. Не пыталась успокоиться. Просто перечисляла то, что можно проверить.

Она была дома. Понедельник, четырнадцатое октября. На кухне не было белой двери. На шее не было следа инъекции. В комнате находился один человек.

На четвёртом утверждении возникла задержка.

Она подняла с пола кружку. Белая, тяжёлая, с синей трещиной под глазурью и сколом на ручке. Произнесла всё это вслух, затем назвала адрес, месяц и собственный возраст.

На слове «тридцать четыре» голос сорвался, будто число относилось не к ней, а к женщине в белой комнате.

Анна открыла блокнот. Запись, сделанная перед просмотром, оставалась на месте. Под линией она добавила время: 21:19.

Прошло три минуты.

По субъективному ощущению — меньше минуты. Таймер должен был обесточить модуль через девяносто секунд, но красная клавиша сработала только после того, как просмотр закончился. Анна проверила механизм. Петля была цела, пружина исправна.

На корпусе таймера стояло 00:00.

Она не смогла доказать, что устройство задержалось. Только то, что её ощущение времени ему противоречило.

Анна встала и проверила квартиру.

Прихожая. Ванная. Спальня. Кабинет. Балкон.

Одна.

Она вернулась на кухню и включила верхний свет. Чёрная пластина лежала в погасшем модуле. Теперь она была холодной.

Через пять минут Анна восстановила питание, не подключая нейронный контур. Изолировала сенсорную запись первого просмотра и вывела её как обычную двухмерную проекцию на стену.

Белая комната стала меньше и безопаснее. Картинка шла с точки её зрения, но без телесного давления. Внизу появились дорожки каналов.

Продолжительность объекта — две минуты тридцать три секунды.

Анна включила только звук.

На сорок девятой секунде раздался металлический щелчок.

Она поставила метку.

На первой минуте тридцать восьмой секунде щелчок повторился.

Анна вернулась к первой метке, наложила две волны друг на друга. Они совпали до последнего колебания.

Не похожий звук. Один и тот же.

Ещё через сорок девять секунд, почти перед окончанием записи, он прозвучал в третий раз.

Анна увеличила дорожку. Три одинаковых фрагмента стояли на равном расстоянии, как зубцы машинного шва.

Настоящая память повторяла смысл, но не воспроизводила фоновый шум с математической точностью. Даже зацикленный механизм звучал бы иначе: менялось расстояние, положение головы, работа фильтров мозга.

Значит, часть объекта была построена.

Облегчение пришло слишком быстро, и Анна не позволила ему закрепиться.

Синтетический фон не делал синтетическим всё остальное.

Она запросила карту достоверности. Модуль отказал: объект не содержал разделения на след, шивку и аффект. Для него всё было одним слоем.

Так записывали старые нелегальные энграммы — или материалы, источник которых не хотел оставлять швы.

Анна замедлила кадр перед прикосновением инъектора.

На стене справа находился монитор. В обычной скорости он выглядел белым пятном. После фильтрации проявилась зелёная линия и две буквы: КА.

Линия дёрнулась, когда игла коснулась шеи. Потом стала ровной.

Коронарная активность? Такого показателя не существовало. Коэффициент адаптации? Слишком поздно для диагностического индекса. Анна перебрала обозначения и остановилась на единственном профессионально допустимом.

Корковая активность.

Она смотрела на ровную линию, пока изображение не рассыпалось на пиксели.

Если запись пыталась показать её смерть, она делала это медицинским языком, который Анна поняла бы сама.

На стене снова появилось отражение мужчины. Анна увеличила фрагмент. Алгоритм очистки предложил достроить скрытую половину лица.

Она отклонила.

Видимого было мало: тёмная бровь, серый глаз, неглубокая складка у рта. На виске — узкий старый шрам.

Анна сохранила кадр в автономной памяти и выключила проекцию.

На запястье лежал перевернутый браслет. Он мигал, подсвечивая стол. Три пропущенных вызова от Дарьи и одно системное уведомление дома.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ НАХОДИТСЯ У ВХОДА БОЛЕЕ СЕМИ МИНУТ.

Анна открыла камеру подъезда.

Мужчина стоял за стеклянной дверью, засунув руки в карманы тёмного пальто. Он не звонил и не пытался войти. Просто смотрел вверх, туда, где на четвёртом этаже находились окна Анны.

Камера снимала его сбоку.

Будто почувствовав взгляд камеры, мужчина сделал шаг под навес. Белый свет лёг на правую половину лица. Он поднял руку к домофону, но не нажал кнопку.

Тёмная бровь. Серый глаз. Неглубокая складка у рта.

И узкий шрам на виске.

Глава 4. Муж, которого нет

Анна не открыла дверь.

Она увеличила изображение с подъездной камеры и поставила рядом сохранённый кадр из белой комнаты. Алгоритм предлагал сравнить лица, но для этого требовалась серверная модель. Домашний модуль всё ещё оставался отключённым от внешней сети.

Анна сравнила сама.

Форма брови. Шрам у правого виска. Линия скулы. Небольшая асимметрия рта, заметная только в тот момент, когда мужчина сдерживал раздражение.

Совпадений было достаточно, чтобы спуститься.

Недостаточно, чтобы впустить его в квартиру.

Она вынула чёрную пластину из модуля, вернула в прозрачный контейнер и убрала в металлический ящик под кухонной раковиной. Ящик предназначался для бытовой химии, но Анна ничего там не хранила: закрытые бутылки, стоящие рядом с водопроводом, казались ей плохой идеей. Замок был механическим. Ключ она положила в карман брюк.

В блокноте написала:

«21:34. Мужчина из записи находится у подъезда. Я иду в кафе напротив. Носитель остаётся дома».

Подумав, добавила:

«Я его не знаю».

Последние четыре слова выглядели не как факт, а как попытка закрепить версию.

Анна надела пальто, проверила дверцу кухонного шкафа и только потом заметила, что сделала это дважды. В прихожей выбрала обувь без каблука. Телефон оставила дома, браслет перевела в режим непрерывной передачи координат Дарье, но не стала ей звонить. Если Дарья ответит, то попытается остановить её. Если не ответит, Анна потратит время, представляя причины.

На лестничной площадке было пусто. Лифт стоял на первом этаже. Анна вызвала его, дождалась, пока двери откроются, и пошла вниз по лестнице.

Мужчина всё ещё стоял за стеклом.

Он увидел её между пролётами, но не двинулся навстречу. Только вынул руки из карманов и показал ладони. Жест был правильным. Настолько правильным, что сразу вызвал недоверие.

Анна остановилась с внутренней стороны двери.

Стекло делило его лицо на две части металлической рамой. В записи это делал отражённый свет.

— Назовите себя, — сказала она через переговорное устройство.

Мужчина посмотрел на решётку динамика.

— Михаил Орлов.

Голос был тот же.

Без маски, без фильтра, без белых стен он звучал ниже и спокойнее. Анна почувствовала узнавание не в голове, а где-то под рёбрами — короткое, физическое, похожее на реакцию на ступеньку, которой не оказалось под ногой.

— Зачем вы здесь?

— Чтобы поговорить.

— Для этого существует домофон.

— Ты не отвечаешь незнакомым людям после десяти вечера.

— Сейчас половина десятого.

Он посмотрел на часы.

— Значит, правило стало строже.

Анна не коснулась кнопки замка.

— Откуда вы знаете мои правила?

— Из опыта.

— Какого?

— Долгого.

Михаил перевёл взгляд через её плечо, на лестничную площадку.

— Не стой у стекла.

— Почему?

— Потому что тебя видно с улицы.

— Вас тоже.

— Меня сейчас можно.

— Кто решил?

— Человек, который не хочет, чтобы ты открывала дверь первому мужчине, назвавшему твоё имя.

— Вы и есть первый мужчина, назвавший моё имя.

Уголок его рта дёрнулся. Не улыбка — признание удачного ответа.

— Поэтому я не прошу открыть мне дверь. Через дорогу кафе. Там камеры, люди и два выхода. Ты сядешь лицом к залу, я — спиной к окну.

Он описывал не место, а её возможные действия.

— Вы заранее выбрали стол?

— Если бы выбрал, ты бы за него не села.

Анна посмотрела на улицу. Кафе занимало первый этаж соседнего дома. Внутри горел тёплый свет, у окна сидели трое посетителей. До перехода — двадцать метров. От входа в её подъезд до двери кафе всё просматривалось камерами городского контура.

— Идите первым, — сказала она.

— Конечно.

Михаил отступил от двери. Анна дождалась, пока он пересечёт улицу и войдёт в кафе. Только тогда разблокировала подъезд.

Холодный воздух пах металлом и мокрым камнем. Дожда не было, но асфальт блестел, будто город запомнил чужую погоду. Анна перешла дорогу, не выпуская Михаила из виду.

Он выбрал стол не у окна и не у стены — в середине зала, рядом с пустой стойкой для подносов. С его места действительно не было видно улицу. Стул напротив позволял Анне видеть вход, кассу, коридор к кухне и зеркало, отражавшее запасную дверь.

Она села за соседний стол.

Михаил посмотрел на пустой стул перед собой, затем повернулся к ней.

— Так тоже можно.

— Руки на стол.

— Ты всегда начинаешь с самого романтического.

— Ещё одна такая фраза, и разговор закончится.

Он положил ладони на светлую столешницу. На правой у основания большого пальца был старый белый рубец. Ногти короткие, без следов медицинского геля. Кольца не было.

К ним подошёл автоматический официант. Михаил выбрал чёрный кофе. Анна отказалась.

— Тебе нужен чай, — сказал он.

— Мне ничего не нужно.

— После нейроподключения у тебя падает глюкоза.

Анна почувствовала, как пальцы в кармане сжали ключ.

— Откуда вы знаете, что было подключение?

Михаил не посмотрел на её шею, хотя мог бы. Он посмотрел на браслет.

— Ты перевела медицинский канал в постоянную передачу. Обычно так делают после процедуры или перед встречей с человеком, которому не доверяют.

— Вы следите за моим каналом?

— Нет. Индикатор виден.

Тонкая голубая точка действительно мигала у застёжки. Анна знала это, но раздражение не уменьшилось.

— Вы были в записи.

Михаил перестал смотреть на браслет.

Из кухни донёсся удар посуды. Кто-то засмеялся у кассы. Автомат поставил перед Михаилом чашку, и пар на секунду закрыл нижнюю половину его лица.

— Какой записи? — спросил он.

Слишком поздно.

Пауза длилась меньше секунды, но до неё он уже понял, о чём речь.

— Не пытайтесь выяснить, сколько я видела.

— Я пытаюсь понять, что именно дошло до тебя.

— Значит, вы знали о файле.

— Знал, что ты должна получить сообщение.

— От кого?

— От тебя.

Анна не изменила позы. Под столом носок её ботинка упирался в металлическую ножку. Холод проходил через кожу.

— Я ничего себе не отправляла.

— Та версия тебя — могла.

— Удобная формулировка.

— Ненавижу её не меньше твоего.

— Вы говорите так, будто знаете несколько моих версий.

Михаил поднял чашку, но не отпил.

— Знаю.

Анна дала себе пять секунд. На третьей он открыл рот, словно хотел продолжить, но остановился. Дождался.

Это было хуже, чем если бы перебил.

— Как вы получили доступ к записи? — спросила она.

— Я её не видел.

— Вы были внутри.

— Это не означает, что я её видел.

— Вы ранены в плечо. Белая комната. Закрытая дверь. Человек с инъектором.

Его пальцы сильнее сжали чашку. Пар уже рассеялся, и Анна увидела, как побледнела кожа вокруг шрама на руке.

— Дата?

— Сначала ответьте.

— Анна, какая дата?

Впервые в его голосе появилась не рассчитанная осторожность, а страх.

Она назвала:

— Двадцатое октября.

Михаил поставил чашку. Кофе качнулся и выплеснулся на блюдце.

— Через шесть дней, — сказал он.

— Я умею считать.

— Тогда времени меньше, чем должно было быть.

— Для чего?

Он промокнул кофе бумажной салфеткой. Движение было аккуратным, почти медленным, но салфетка порвалась под его пальцами.

— Файл должен был появиться, если всё пошло не по плану.

— По чьему плану?

— Твоему.

— Вы снова ссылаетесь на женщину, которой здесь нет.

— Она здесь.

Михаил посмотрел на неё, и Анне стало неприятно не из-за уверенности в его словах, а из-за того, как личным оказался этот взгляд.

— Не в том смысле, который тебе сейчас не понравится, — добавил он.

— Мне уже не нравится ни один.

Он откинулся на спинку стула. Теперь его руки не лежали на столе, и Анна сразу указала на них взглядом.

Михаил вернул ладони на место.

— Хорошо. Факты. Меня зовут Михаил Андреевич Орлов. Мне тридцать семь. Я журналист. Последние четыре года я занимаюсь «Мнемосом», его закрытыми исследованиями и контрактами, которых официально не существует. Мы познакомились в феврале две тысячи тридцать шестого года.

— Где?

— В клинике на Садовой. Я выдавал себя за пациента.

— Удобное начало для доверительных отношений.

— Ты сказала почти то же самое.

— Не используйте мои предполагаемые реплики как доказательство.

— Я не использую. Просто иногда ты остаёшься удивительно последовательной.

— Что произошло дальше?

— Ты раскрыла меня на втором сеансе. Не сообщила службе безопасности. Через неделю мы встретились в этом кафе.

Анна оглядела зал.

— Здесь?

— Раньше стены были зелёными и кофе был хуже.

— Этого нет в открытых данных?

— Вероятно, есть старые фотографии.

— Значит, бесполезно.

— Я и не называл это доказательством.

— Тогда предъявите полезное.

Михаил достал из внутреннего кармана тонкий бумажный конверт и положил на стол.

Анна не взяла.

— Что внутри?

— Фотографии. Копия договора аренды. Несколько писем.

— Цифровые?

— Бумажные.

— Подделываются.

— Всё подделывается.

— Тогда зачем принесли?

— Потому что без них ты решила бы, что я пришёл с одной историей и хорошей памятью.

— А с ними я должна решить, что история подкреплена реквизитом?

— Нет. С ними ты должна получить возможность проверять.

Анна посмотрела на конверт. Бумага была тёмно-синей, по краю проступало белое волокно. Клапан не запечатан.

— Откройте сами.

Михаил вынул содержимое. Сверху лежала фотография, снятая на старую химическую плёнку. Женщина стояла спиной к камере под прозрачным навесом. Рядом мужчина держал над ними сломанный зонт.

Женщина была похожа на Анну.

Не на фотографиях после аварии — на неё в зеркале. Та же линия плеч, волосы, собранные слишком низко, привычка держать голову чуть в сторону, когда она слушала. Лица не было видно.

— Это может быть кто угодно.

— Да.

Вторая фотография показывала две руки на подоконнике. Одна мужская. Вторая женская, с короткими ногтями и тонким серебряным кольцом на безымянном пальце.

Анна перевела взгляд на собственную руку.

Кольца не было.

— Лица снова нет.

— Ты не любила фотографироваться.

— Это вы тоже можете знать из открытых источников.

— Не можешь найти то, чего человек не публиковал.

— Но можно придумать.

— Можно.

Он не спорил там, где ей хотелось спора. Это делало разговор труднее.

Под фотографиями лежал договор аренды, сложенный вчетверо. Анна прочла только первую строку. Адрес был скрыт чёрной полосой.

— Почему вы закрыли адрес?

— Потому что ты ещё не решила, можно ли мне знать, где лежит файл. А я не решил, можно ли вести тебя туда, где мы жили.

— Вы утверждаете, что мы жили вместе?

Михаил посмотрел на неё поверх бумаги.

— Я утверждаю, что мы были женаты.

Анна положила договор обратно на стол.

В кафе продолжали разговаривать люди. Девушка у окна кормила ребёнка кусочками булочки. На экране над кассой медленно менялись изображения десертов. Мир не отреагировал на фразу, после которой должен был хотя бы на секунду нарушиться свет.

— Нет, — сказала Анна.

Михаил не спросил, что именно она отрицает.

— Три года, — продолжил он. — Юридически чуть меньше. Познакомились пять лет назад. Поженились в октябре тридцать седьмого. Разъехались прошлым летом.

— В моих гражданских данных брака нет.

— Его закрыли.

— Кто?

— «Мнемос».

— Компания не может удалить государственную запись о браке.

— Удалить — нет. Сделать её недоступной по медицинскому протоколу защиты личности — может, если у неё есть согласие пациента и правильный договор с регистром.

— Моё согласие?

— Да.

— Почему я должна была согласиться?

Он отвёл взгляд к своей чашке.

Впервые не потому, что выбирал слова. Потому что не хотел отвечать.

— Это один из вопросов, на который я не дам тебе готовую версию.

— Тогда разговор закончен.

Анна поднялась.

— Сядь, пожалуйста.

Просьба прозвучала без привычной иронии. Она осталась стоять.

— Вы принесли документы, закрыли адрес, отказались объяснить источник файла и предлагаете поверить, что были моим мужем.

— Нет. Я предлагаю не возвращаться сейчас в квартиру.

— Почему?

— Потому что в двадцать один сорок две служба безопасности «Мнемоса» запросила аварийный доступ к твоему домашнему диагностическому модулю.

Анна посмотрела на часы. Было двадцать два ноль восемь.

— Модуль отключён от сети.

— Для обычного доступа.

— Откуда вы знаете о запросе?

— У меня остался источник внутри компании.

— Имя.

— Нет.

— Значит, ещё одна история без проверки.

— Проверь сама. Включи браслет в административный режим и посмотри очередь отклонённых соединений. Но не подключай домашний контур.

Анна не села. На браслете открыла локальный журнал. Для просмотра административных запросов требовался код, который она не использовала после аварии. Пальцы ввели восемь цифр раньше, чем она успела обратиться к бумажной подсказке.

Экран разблокировался.

В очереди было семь отклонённых обращений. Последнее — в 22:04. Отправитель: КЛИНИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. Основание: УГРОЗА ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОГО НЕЙРОМАТЕРИАЛА.

Они искали носитель.

Страх оказался не вспышкой, а холодным уплотнением в груди. Анна сразу разложила его на действия: не возвращаться по прямому маршруту, предупредить Дарью, проверить квартиру через локальные датчики, не включать модуль.

— Как давно вы знаете? — спросила она.

— О запросе — двадцать минут. О том, что тебя будут искать, — несколько месяцев.

— И всё это время вы не пришли.

— Ты запретила.

— Когда?

— До того, как забыла.

— Очень удобно получать приказы от человека, который не может их подтвердить.

— Для меня тоже.

Анна снова села, но оставила пальто застёгнутым.

Михаил подвинул к ней чашку воды, которую она не заметила раньше.

— Я не заказывала.

— Я заказал, пока ты проверяла журнал.

— Уберите.

Он убрал.

— Что вы хотите? — спросила Анна.

— Чтобы ты прожила до воскресенья.

— Почему именно вы?

— Потому что в файле был я.

— Вы сказали, что не видели его.

— Не видел. Но ты узнала меня.

— Я сопоставила лицо.

— Ты спустилась одна к человеку, которого увидела рядом со своей смертью. Значит, либо ты решила, что я причастен, либо внутри записи было что-то, из-за чего ты не вызвала полицию.

— Я не вызвала полицию, потому что запись может быть преступлением сама по себе.

— Это половина ответа.

— Вам придётся довольствоваться половиной.

— Уже приходилось.

Он сказал это тихо, без попытки вызвать жалость. Оттого фраза прозвучала интимнее, чем всё его заявление о браке.

Анна посмотрела на фотографию с руками. Серебряное кольцо на женском пальце было простым, без камня. На внутренней стороне ладони виднелась маленькая светлая точка — след старого ожога.

Анна перевернула свою руку.

Такая же точка находилась у основания среднего пальца. Она получила ожог в университете, когда неправильно сняла защитную плёнку с лабораторной пластины. Это воспоминание сохранилось.

Фотография доказывала, что рука принадлежала ей.

Не доказывала брак.

— Почему на снимках нет наших лиц?

— Потому что эти снимки выбирала ты.

— Для чего?

— На случай, если однажды не захочешь верить лицам.

Анна отодвинула фотографию.

— Я не буду обсуждать несуществующие решения несуществующего брака. Мне нужно знать, кто поместил файл в мой шкафчик.

— Не знаю.

— Кто сообщил вам, что он появится?

— Ты.

— Каким способом?

— Отложенным сообщением.

— Покажите.

— Оно уничтожилось после прочтения.

— Конечно.

— Я сохранил контрольную сумму.

— Её можно создать без сообщения.

— Да.

Она почти улыбнулась. Не от юмора — от усталости перед идеальной бесполезностью каждого доказательства.

— Вы журналист, — сказала Анна. — Привыкли строить версию из источников, которых нельзя раскрыть, и документов, подлинность которых читатель должен принять.

— А ты привыкла считать ложью всё, что не можешь воспроизвести в лаборатории.

— Это безопаснее.

— До определённого момента.

— Какого?

— До того, когда лаборатория принадлежит людям, от которых ты защищаешься.

Входная дверь кафе открылась. Вошли двое мужчин в одинаковых серых куртках. Они не посмотрели на Анну, прошли к кассе и встали так, чтобы один видел зал в зеркале.

Михаил продолжал смотреть на неё.

— Не поворачивайся, — сказал он.

— Я уже увидела.

— Конечно.

— Они за мной?

— Не знаю.

— Вы часто этого не знаете.

— Я часто не выдаю предположение за факт. Думал, ты оценишь.

Анна открыла локальную схему кафе. Запасной выход вёл во двор, затем в арку к соседней улице. Камера у кухни была временно отключена из-за ремонта.

— Вы выбрали этот стол из-за выхода?

— И из-за зеркала.

— В начале сказали, что ничего не выбирали заранее.

— Я сказал, что не выбирал стол до твоего прихода.

Технически правда.

Это разозлило сильнее прямой лжи.

Один из мужчин у кассы повернул голову. Его взгляд прошёл по залу и задержался на столе Михаила.

— Уходим, — сказала Анна.

— Через кухню.

— Раздельно.

— Нет.

— Это не обсуждается.

Михаил наклонился вперёд.

— Они не знают, есть ли носитель у тебя, у меня или в квартире. Пока мы вместе, им приходится учитывать три варианта.

— Почему три?

— Потому что третий вариант — ты успела кому-то передать его.

— Я никому не передавала.

— Они этого не знают.

Он говорил спокойно, но чашка перед ним осталась почти полной. Анна вспомнила мужчину в белой комнате, который скрывал боль, понижая голос.

Не доказательство.

Только сходство поведения.

Она убрала фотографии и договор обратно в конверт.

— Это останется у меня.

— Для этого и принёс.

— Если документы снабжены маяком...

— Бумага. Химическая плёнка. Никакой электроники.

— Это можно проверить.

— Рассчитывал на это.

Они поднялись одновременно. Один из мужчин у кассы сделал шаг в сторону зала.

Михаил постучал костяшками по столу — два коротких удара.

Анна, уже повернувшись к коридору, ответила:

— Входи.

Слово прозвучало прежде, чем она поняла, что дверь никто не открывал.

Глава 5. След кольца

Михаил не обернулся на её ответ.

Он открыл дверь в кухонный коридор, пропустил Анну вперёд и задержался на пороге ровно настолько, чтобы официант, кативший тележку с посудой, оказался между ними и залом. Два человека в серых куртках остались у кассы. Один смотрел в меню, второй — в зеркало над кофейной машиной.

— Налево, — тихо сказал Михаил.

— Я вижу схему.

— Камера у выхода не работает.

— Это вы тоже устроили?

— Нет. Но благодарен тому, кто не чинит её третью неделю.

Коридор пах моющим средством и горячим тестом. За распахнутой дверью кухни пар поднимался к потолку плотными белыми полосами. Повар в прозрачном щитке поднял голову, но Михаил показал на табличку «Служебный выход», будто имел право здесь находиться. Уверенность сработала лучше разрешения.

Анна шла первой. Тёмно-синий конверт лежал под пальто, прижатый локтем к боку. С каждым шагом бумажный край напоминал о себе. В нём находились фотографии, договор и чужая версия её жизни.

Во дворе Михаил остановился.

— Через арку и направо. Там остановка.

— Мы пойдём в разные стороны.

— Они могли оставить человека у твоего подъезда.

— Значит, вы туда не пойдёте.

— А ты пойдёшь?

— Да.

Он посмотрел на неё так, будто она подтвердила диагноз.

— Носитель дома.

— Именно поэтому туда могут прийти.

— Именно поэтому я не оставлю его там.

Из кафе хлопнула металлическая дверь.

Михаил не стал спорить. Взял Анну за локоть и сразу отпустил, едва она напряглась.

— Тогда сейчас не время доказывать, что ты умеешь ходить одна.

Они прошли через арку. По соседней улице приближался ночной трамвай — длинный, почти пустой, с голубой полосой света под окнами. Анна ускорила шаг. Двери закрылись за ними в тот момент, когда в арке показался человек в серой куртке.

Он не побежал.

Просто остановился и посмотрел вслед.

В вагоне было шесть пассажиров. Анна выбрала место напротив стеклянной перегородки, чтобы видеть отражение дверей. Михаил сел через проход.

— Не рядом, — сказала она.

— Я заметил.

Трамвай тронулся. Свет остановок скользил по лицу Михаила, каждый раз на секунду выделяя шрам у виска. В записи он был залит белым светом и кровью. Здесь держался за поручень и выглядел слишком обычным.

— Вы сказали, что мы разъехались прошлым летом, — произнесла Анна. — Почему?

— Ты хочешь проверить брак или обсуждать развод?

— Я хочу понять, где вы лжёте.

— Тогда начни с того, что можно проверить.

— Например?

— Даты. Подписи. Адрес. След от кольца.

Анна перевела взгляд на свою правую руку.

— Вы уже видели фотографию.

— Я говорю не о фотографии.

Он коснулся собственного безымянного пальца, не приближаясь к ней.

— На коже остаётся светлая полоса. У тебя она почти исчезла, но при боковом свете видна.

Анна повернула ладонь к окну. В отражении пальцы накладывались на тёмные фасады. Ничего.

— Вы могли заметить это сегодня.

— Мог.

— Тогда это не доказательство.

— Нет.

Его согласие снова раздражало.

— Почему вы не носите кольцо?

Михаил посмотрел на правую руку.

— Потому что ты попросила снять.

— Когда?

— В августе прошлого года.

— До того, как мы якобы разъехались?

— В тот же вечер.

Анна ждала продолжения. Он не добавил ни причины, ни сцены, ни фразы, которую она могла бы проверить.

— Что произошло?

— Не сейчас.

— Вы хотите, чтобы я поверила в брак, но отказываетесь объяснить его конец.

— Я хочу, чтобы ты сначала установила, был ли он. Если я расскажу всё остальное, ты будешь проверять не данные, а мою версию.

Это звучало разумно. Анна не доверяла разумным формулировкам, которые оставляли собеседнику контроль над порядком вопросов.

Трамвай пересёк реку. Чёрная вода внизу отражала свет полосами, похожими на разорванную кардиограмму.

— Откуда вы знаете о моих мнемодневниках? — спросила она.

Михаил слишком быстро посмотрел в окно.

— Ты вела их много лет.

— Это общая информация для специалиста моего профиля.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что вы знаете, что я не люблю фотографии. Возможно, вы видели личные записи, а не жили со мной.

Он провёл большим пальцем по белому рубцу на ладони.

— Я жил с тобой.

— Это не ответ.

— Другого сейчас не будет.

На следующей остановке вошла женщина с ребёнком. Михаил встал, уступая место, и остался у двери. Разговор закончился не потому, что Анна получила ответ, а потому, что он нашёл приемлемую причину больше не отвечать.

К её дому они подошли с противоположной стороны двора. У подъезда никого не было. Камера над дверью работала, голубой индикатор горел ровно.

Анна открыла журнал через браслет. После последнего запроса в 22:04 новых обращений не появлялось. Внутренние датчики квартиры показывали норму: окна закрыты, движение не зарегистрировано, электрическая сеть стабильна.

— Вы останетесь здесь, — сказала она.

— В подъезде?

— На улице.

— Двое из кафе могли приехать раньше нас.

— Тогда выбирайте освещённое место.

Михаил усмехнулся, но без веселья.

— Ты собираешься одна включать модуль, к которому «Мнемос» уже пытался получить доступ.

— Я не собираюсь подключать носитель.

— А что собираешься?

— Проверить документы.

— Я могу помочь.

— Вы являетесь предметом проверки.

— В этом и помощь. Я смогу сказать, где ты ищешь не то.

— Именно поэтому вы не войдёте.

Анна приложила ладонь к замку подъезда.

Дверь не открылась.

Она повторила. Панель мигнула жёлтым.

ДОСТУП ВРЕМЕННО ОГРАНИЧЕН. ПОДТВЕРДИТЕ МЕДИЦИНСКИЙ СТАТУС.

— Они уже здесь, — сказал Михаил.

— Это может быть последствием аварийного запроса.

— Разница утешительная.

Анна ввела резервный код. Панель снова отказала, затем показала вызов удалённого оператора. Она отменила соединение.

Из окна второго этажа кто-то отёрнул занавеску.

— Есть служебный вход со двора, — сказала Анна.

— Код?

Цифры появились в памяти без усилия. Она не стала произносить их.

Служебная дверь находилась за мусорным модулем и открывалась механическим ключом жильца. Анна вставила ключ, но замок заедал. Она подняла ручку вверх, повернула ключ на четверть назад, потом до конца.

Михаил наблюдал.

— Что?

— Ничего.

— Вы знали, как открыть?

— Нет.

— Тогда перестаньте смотреть так, будто узнали жест.

— Я узнал жест.

Анна распахнула дверь.

— В подъезде вы останетесь на первом этаже.

— Конечно.

На четвёртом этаже свет включился раньше, чем они вышли из лестничного пролёта. Дверь квартиры была закрыта. Пломба на механическом пазу, которую Анна поставила перед выходом, не нарушена.

Она открыла замок и вошла одна. Проверила прихожую, кухню, спальню, кабинет и балкон в том же порядке, что после просмотра файла. Ничего не изменилось. Металлический ящик под раковиной был заперт. Чёрная пластина лежала в контейнере.

Анна вернулась к входной двери. Михаил стоял за порогом, не касаясь косяка.

— Обувь снимите, — сказала она.

Он наклонился к шнуркам, будто её решение не удивило.

— Это не приглашение остаться.

— Я понял.

— И не доказательство вашей истории.

— Анна, я понял.

Она закрыла дверь, но не поставила внутреннюю блокировку. Михаил заметил. Ничего не сказал.

Браслет завибрировал прежде, чем Анна дошла до кухни.

Дарья звонила в четвёртый раз.

Анна приняла связь и включила только звук.

— Наконец-то, — сказала Дарья. — Ты где?

— Дома.

На другом конце повисла тишина.

— Скажи, что это не тот дом, к которому только что запрашивали аварийный доступ.

— Мне нужен закрытый шлюз семейного статуса.

— Это не ответ.

— Михаил Орлов утверждает, что состоял со мной в браке.

Михаил поднял голову. Анна отвернулась от него, чтобы видеть отражение кухни в чёрном экране модуля.

— Орлов сейчас рядом? — спросила Дарья.

— Да.

— Ты пустила в квартиру журналиста, которого увидела в записи о собственной смерти?

— Он снял обувь.

— Тогда всё безопасно.

Сухость в голосе Дарьи означала, что она испугалась сильнее, чем хотела показать.

— В открытом реестре запись отсутствует, — сказала Анна. — Мне нужен медицинский слой истории. Ты можешь выдать разовый форензический ключ?

— Домашний модуль физически отключён.

— Браслет поддерживает однонаправленный запрос.

— И оставляет след в системе.

— След уже есть.

Дарья выдохнула.

— Я дам окно на двенадцать минут. Только текстовые поля, без загрузки приложений и без нейронной аутентификации. Носитель к модулю не подключать.

— Он в ящике.

— Запертом?

— Да.

— Орлов к нему не прикасался?

— Нет.

Михаил произнёс из прихожей:

— Я всё слышу.

— Тем лучше, — ответила Дарья. — Если она потеряет сознание, сначала обесточь модуль, потом вызывай помощь. Не наоборот.

— Понял.

Анна посмотрела на него.

— Вы не участвуете в инструкции.

— Судя по всему, уже участвую.

На браслете появился одноразовый ключ. Дарья добавила:

— Анна, закрытый шлюз покажет не брак, а историю ограничений. Не превращай отсутствие поля в доказательство нужной тебе версии.

— Я знаю.

— Сегодня ты слишком часто это говоришь.

Связь оборвалась. На экране браслета начался двенадцатиминутный отсчёт.

Домашний модуль включился в локальном режиме. Оптический кабель всё ещё лежал у стены. Анна проверила физический разрыв сети, затем поднесла конверт к спектральному сканеру.

— Бумага изготовлена в тридцать седьмом году, — сообщил модуль. — Допустимое отклонение — девять месяцев. Следов активной электроники не обнаружено. Химическая эмульсия фотографий соответствует периоду с две тысячи тридцать седьмого по две тысячи тридцать девятый год.

— Монтаж?

— Признаков физического монтажа не обнаружено. Семантическая подлинность изображения не устанавливается.

Анна посмотрела на Михаила.

— Не торжествуйте.

— Я стою в твоей кухне без обуви. До торжества далеко.

Она разложила документы параллельно краю стола. Договор аренды содержал две подписи. Одна напоминала нынешнюю подпись Анны, но более размашистую, с длинным последним штрихом.

Адрес был закрыт полосой из плотной чёрной бумаги.

— Снимите её, — сказала Анна.

— Нет.

— Документ находится у меня.

— Адрес приведёт тебя в квартиру раньше, чем ты проверишь остальное.

— Вы не распоряжаетесь последовательностью.

— Я пытаюсь выполнить твою просьбу.

— Просьбу женщины, которую вы используете как недоступный источник.

Михаил сжал губы.

— Если к утру ты решишь, что я говорю правду, я сниму полосу.

— Я могу сделать это сама.

— Можешь.

Анна поддела край ногтем. Бумага была приклеена растворимым составом; резкое движение могло повредить строку под ней.

Она оставила адрес закрытым. Не ради Михаила. Ради документа.

В гражданском реестре открытого уровня запись о браке отсутствовала. Статус Анны значился как «не состоит». История изменений была пуста.

— Вот, — сказала она. — Объективные данные.

— Открытый уровень.

— Для гражданского статуса другого не требуется.

— Для обычного гражданина.

Анна вызвала закрытый медицинский шлюз, доступный специалистам, чьи семейные связи могли влиять на согласие при нейропроцедурах. Модуль запросил текущий профиль и после паузы показал:

ИСТОРИЯ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА ОГРАНИЧЕНА ПРОТОКОЛОМ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ.

Основание: корпоративная безопасность.

Оператор: «Мнемос».

Дата применения: 23 сентября 2041 года.

Анна перечитала дату.

День после последней полной калибровки. День аварии.

— Вы знали? — спросила она.

— О протоколе — да. О дате нет.

— На каком основании компания может закрыть государственную историю?

— Угроза сотруднику, медицинская тайна, защита зависимых лиц. Нужно согласие.

— Моё.

— Скорее всего.

— Вы видели его?

— Нет.

Анна открыла техническую карточку ограничения. Большинство полей было скрыто, но внизу сохранилась машинная цепочка предыдущих состояний:

12.10.2037 — ИЗМЕНЕНИЕ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА.

03.09.2040 — ПЕРЕВОД В ЗАЩИЩЁННЫЙ РЕЖИМ.

23.09.2041 — ПОЛНОЕ СОКРЫТИЕ ИСТОРИИ.

Тип исходного изменения не отображался. Имя второго участника отсутствовало.

Это не доказывало брак.

— Фамилию я не меняла, — сказала Анна.

— Нет.

— Почему?

— Ты считала, что новая фамилия не делает людей ближе, а старая не мешает им уйти.

— Похоже на фразу, которую удобно приписать мне сейчас.

— Она была написана на обратной стороне заявления.

Анна открыла служебное поле документа. Приложение отсутствовало, но система сохранила его тип: РУКОПИСНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ УЧАСТНИКА. Размер — восемьдесят семь символов.

Она пересчитала слова в фразе Михаила мысленно. С учётом пробелов и знаков длина могла совпасть.

Могла — не значит совпадала.

— Вы запомнили точную формулировку?

— Я тогда рассердился.

— Из-за фамилии?

— Из-за того, как легко ты включила мой возможный уход в свадебные документы.

— И всё равно подписали.

— Я был уверен, что ты ошибаешься.

— А теперь?

Михаил посмотрел на закрытый металлический ящик под раковиной.

— Теперь я уверен, что ты редко ошибалась в том, чего боялась.

На экране истекла девятая минута доступа. Анна сохранила только контрольные номера состояний в бумажный блокнот, не копируя закрытые данные. Чернила легли неровно: рука едва заметно дрожала. Она прижала запястье к столу, пока линия не стала прямой.

Но доказывало, что открытый реестр лгал посредством неполноты.

— Третье сентября, — сказала Анна. — Вы утверждали, что мы разъехались в августе.

— Да.

— Через несколько недель статус закрыли.

— Похоже на то.

— Почему?

Михаил посмотрел на чёрную полосу поверх адреса.

— Потому что к тому времени ты уже считала, что через меня до тебя доберутся.

— Кто?

— «Мнемос».

— И всё равно оставили вас в живых.

— Иногда живой человек полезнее мёртвого.

На экране мигнул запрос дополнительной биометрии. Для просмотра физической истории семейного статуса требовалось подтвердить признаки длительного ношения идентификационного предмета.

— Нелепый метод, — сказала Анна.

— Его ввели после дел с поддельными браками пациентов.

— Я знаю, зачем его ввели.

Она поместила правую руку под дермальный сканер.

Голубой свет прошёл по пальцам. Кожа стала прозрачнее, проступили капилляры и тонкие линии давления. На безымянном пальце появилось бледное кольцо — ровная полоса шириной чуть больше двух миллиметров. При обычном свете она почти сливалась с кожей. Под сканером светилась холодным белым ободком.

Михаил отвёл взгляд.

Анна заметила это и разозлилась сильнее, чем если бы он смотрел.

— Почему вы отвернулись?

— Потому что это твоё тело, а не мой аргумент.

— Раньше вас это не останавливало.

Он посмотрел на неё.

— Ты не знаешь, что меня останавливало раньше.

Сканер завершил анализ:

ПРИЗНАК ДЛИТЕЛЬНОГО НОШЕНИЯ КОЛЬЦЕВОГО ПРЕДМЕТА.

Предполагаемая продолжительность: от двадцати восьми до сорока четырёх месяцев.

Последнее постоянное ношение: ориентировочно тринадцать месяцев назад.

Ширина предмета: 2,3 мм.

Анна взяла фотографию с руками. Серебряное кольцо на снимке было простым и узким.

Модуль оценил ширину: 2,2—2,4 миллиметра.

Совпадение.

В комнате стало тесно, хотя Михаил не приблизился.

Анна знала, что люди носили кольца без брака. Знала, что фотографии можно инсценировать, закрытые записи — подделать, а телесный след — неверно интерпретировать. Каждое доказательство по отдельности оставляло выход.

Вместе они меняли форму вопроса.

Не «почему незнакомец лжёт о браке», а «почему её собственная биография устроена так, чтобы брака не существовало».

— Скажите моё имя, — попросил Михаил.

— Я знаю ваше имя.

— Скажи.

— Михаил Орлов.

Ничего не произошло. Ни вспышки памяти, ни узнавания.

На его лице появилось облегчение, которое он не успел скрыть.

— Вы рады, что я не вспомнила.

- Я рад, что ты не пытаешься вернуть всё сразу.
- Потому что это опасно?
- Потому что ты сама считала это опасным.
- Или потому что память сделает меня менее удобной для вашей версии?
- Если бы мне нужна была удобная версия тебя, я бы принёс записи, где ты говоришь,

что любишь меня.

Анна посмотрела на него.

- Они существуют?

Пауза была короткой. Достаточной.

- Я не буду отвечать.

— Значит, существуют.

— Значит, я не стану использовать их сейчас.

- Где они?

— Анна.

- Где мои записи?

Михаил молчал. Белый рубец на его ладони исчез под сжатыми пальцами.

Домашний модуль издал мягкий сигнал.

На экране закрылся гражданский реестр. Вместо него появился серый круг с разрывом сверху.

- Я не давала команду, — сказала Анна.

Михаил обернулся к модулю.

Оптический кабель лежал у стены. Индикатор внешней сети не горел.

Серый круг замкнулся.

КЛИНИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ПРОФИЛЯ НАРУШЕНА.

ЗАПУЩЕНА АВТОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ.

Анна коснулась панели отключения.

Она не отозвалась.

В прихожей щёлкнул входной замок. Затем второй — механический, который она не ставила.

На окнах опустились защитные створки.

Михаил одним движением оказался у стены рядом с аварийной клавишей.

Свет погас.

Из темноты прозвучал спокойный голос модуля:

- Нулевая сессия начата.

Глава 6. Нулевая сессия

Красная линия прошла по стене на уровне глаз.

Она возникла из темноты без источника света, обогнула угол кухни и замкнулась за спиной Анны. Домашний модуль говорил спокойно, почти заботливо:

— Зафиксировано расхождение автобиографического профиля. Оставайтесь на месте.

Анна нащупала край стола.

— Отменить процедуру. Код владельца: Ветрова, четыре-два-семь.

— Команда недоступна во время нулевой сессии.

На часах духовки светилось 00:03. Вторник, пятнадцатое октября, начался с того, что её квартира перестала принадлежать ей.

«Нулевой» называли сессию, в которой система временно отбрасывала спорные эпизоды и возвращала пациента к последнему подтверждённому профилю. Её применяли после тяжёлых ложных узнаваний, когда человек уже не мог установить, кому принадлежит воспоминание. Процедура должна была проводиться в клинике, с двумя врачами и физическим правом пациента разорвать контур.

Сейчас подтверждённым профилем считалась Анна после аварии.

Всё, что произошло за последние часы, система могла объявить спорным: Ларису, чёрную пластину, файл смерти, Михаила, след кольца.

Она поняла цель раньше, чем успела испугаться. Если сессия завершится, она не обязательно забудет события. Хуже: они останутся, но получат маркировку недостоверных. Любая попытка действовать на их основании будет ощущаться как симптом.

Михаил поднял прозрачную крышку аварийной клавиши и нажал. Ничего не произошло.

— Резервное питание, — сказал он.

— Отойдите от модуля.

— Если отойду, он подключит полный контур.

— Я сказала отойти.

Красная линия дрогнула. Браслет на запястье стянулся, фиксируя пульс и проводимость кожи. Анна поддела застёжку ногтем.

— Снять личный канал.

— Канал используется для обеспечения безопасности.

— Отключить браслет.

— Команда отклонена.

Она рванула ремешок. Застёжка открылась, но в ту же секунду из стены за правым ухом пришёл короткий ультразвуковой импульс — не звук, а давление внутри кости. Анна качнулась и ударилась бедром о стол. Браслет упал на пол, продолжая мигать голубой точкой.

Значит, он был только ключом. Сам контур уже находился в стенах квартиры.

Михаил сделал шаг к ней.

— Не приближайся, — произнёс голос модуля.

Нет. Голос принадлежал Михаилу.

Он стоял у аварийной панели, обе ладони были видны. Но слова прозвучали совсем рядом, почти у её шеи:

— Ты сама меня впустила.

Белый шов рассёк темноту.

Сначала он прошёл по лицу Михаила, отделяя глаза от рта. Потом разошёлся по комнате. Кухонная стена отодвинулась, шкафы стали выше, жёлтый светильник превратился в узкую лампу под потолком. На месте прихожей появилась дверь, выкрашенная в густой жёлтый цвет.

Анна никогда её не видела.

Её тело знало, что за дверью лестничная площадка.

Михаил теперь стоял у окна. На нём были ботинки и тёмная рубашка с закатанными рукавами. В правой руке он держал кухонный нож.

— Анна, смотри на меня, — сказал настоящий Михаил откуда-то слева.

Мужчина у окна улыбнулся.

— Она всегда смотрит, когда боится.

Анна схватила со стола тяжёлую белую кружку. Синяя трещина под глазурью осталась на месте. Опора. Кружка была настоящей.

Жёлтая дверь — нет.

— Специалист Ветрова, — заговорил другой голос. Женский, незнакомый. — Это дежурный оператор клинической поддержки. Процедура проводится в соответствии с вашим предварительным согласием. Не взаимодействуйте с внешним источником дестабилизации.

— Назовите имя и код допуска.

— Информация будет доступна после завершения стабилизации.

— Значит, вы не оператор.

— Ваше недоверие является ожидаемой реакцией.

— Тогда назовите параметры остановки.

— Остановка не рекомендована.

— Не рекомендацию. Параметры.

Пауза была слишком длинной для автоматического ответа и слишком короткой для проверки протокола человеком.

— Процедура завершится после снижения конфликтной активности до базового уровня.

— Кто определяет базовый уровень?

— Профиль, подтверждённый двадцать третьего сентября.

Дата легла между ними как ещё один замок.

Михаил у окна двинулся к ней. Подошвы ботинок не издали ни звука.

Настоящий Михаил был без обуви. Он снял её в прихожей. Анна ещё видела его тёмные носки у края красной линии.

— Стой там, — сказала она.

Оба Михаила остановились.

Тот, что с ножом, поднял руку.

— Я ведь предупреждал.

Настоящий медленно опустился на колено возле панели.

— За модулем есть сервисный люк. Мне надо его открыть.

— Откуда ты знаешь?

— Ты показывала.

— Когда?

— До того, как решила, что мне нельзя ничего знать.

Женский голос вмешался:

— Михаил Орлов не имеет медицинской квалификации. Его действия создают риск необратимого повреждения.

— Отключение процедуры не повреждает профиль, — сказала Анна.

— В текущем состоянии самостоятельная оценка специалиста ограничена.

Формулировка была почти безупречной. Не «вы некомпетентны», а «ваша оценка ограничена». Ратников любил такие предложения: человек оставался профессионалом, пока соглашался с тем, кто определял границы его профессионализма.

Анна прижала кружку к груди. Поверхность была холодной. Жёлтая комната пахла яблоками и пылью, хотя обонятельный канал домашнего модуля не был подключён.

Ложный Михаил подошёл ещё ближе.

— Отдай мне файл.

— Я не говорил этого, — произнёс настоящий.

— Молчите, — сказала Анна обоим.

На стене рядом с жёлтой дверью висела фотография. Два человека под дождём, лица размыты. Снимок из конверта, только теперь женщина была повернута к камере. У неё было лицо Анны.

Под фотографией стоял низкий шкаф. Одна дверца оставалась открытой. Внутри лежала мужская рубашка и прозрачный контейнер с чёрной пластиной, хотя настоящий носитель был заперт под кухонной раковиной.

Алгоритм использовал всё, что получил сегодня, и связывал детали в причинную историю: Михаил пришёл за файлом; Анна впустила его; он угрожал ей в месте, которое её тело должно было узнать как дом.

Белые швы были почти невидимы. Один проходил по краю фотографии. Второй — вдоль жёлтой двери. Третий рассекал нож в руке Михаила, и лезвие с одной стороны отражало лампу, а с другой оставалось чёрным.

— Это реконструкция, — сказала Анна.

— Да, — ответил настоящий Михаил.

— Нет, — одновременно произнёс мужчина с ножом. — Ты просто снова выбираешь удобную версию.

Он бросился к ней.

Анна ударила кружкой.

Белая керамика прошла через его висок, будто через отражение в воде, и столкнулась с чем-то твёрдым. Настоящий Михаил отшатнулся. Кружка вылетела из руки Анны и разбилась у стены.

На его губе появилась кровь.

Картинка перестроилась мгновенно. Теперь Михаил действительно стоял перед ней, прижимая ладонь ко рту. Нож исчез. Ботинки тоже.

— Ты меня ударила, — сказал он.

— Не подходи.

— Не подхожу.

Он отступил на шаг и сел на пол, показывая пустые руки.

Женский голос стал мягче:

— Угроза подтверждена. Перейдите в безопасную зону у окна. Система ограничит подвижность внешнего лица.

На полу загорелась стрелка. Она вела к окну, за закрытой створкой которого находился встроенный нейростимуляционный контур.

Анна не двинулась.

— Вы хотите поставить меня в центр поля.

— Поле предназначено для вашей защиты.

— От кого?

— От источника принудительного восстановления травматической связи.

Ложь была точной: Михаил действительно мог быть источником травматической связи. Система не утверждала, что он нападал сейчас. Она предлагала Анне закончить вывод самостоятельно.

— Что ты видишь? — спросил Михаил.

— Тебя с ножом.

Он замер. Не возмутился, не потребовал посмотреть внимательнее.

— Где?

— Неважно.

— Важно. Там есть окно?

— Да.

— Какое?

Анна не ответила.

Ложное окно было приоткрыто, и за ним шёл дождь. Капли стекали по стеклу одинаковыми дорожками. Каждая шестая задерживалась у нижнего края.

Система взяла фон из комнаты Ларисы.

— Оно использует сегодняшний сеанс, — сказала Анна.

— Значит, контур получил к нему доступ.

— Или он был внутри ещё до сессии.

Эта мысль не помогла. Если неизвестный слой в памяти Ларисы и домашняя коррекция использовали один источник, то аномалия не началась с пластинки в шкафчике.

— В комнате с жёлтой дверью?

Анна сжала левую руку. Ключ от металлического ящика впился в ладонь через карман.

— Ты знаешь эту дверь.

— Да.

— Где она?

— Если скажу, система построит ответ в сцену.

— Удобно.

— Анна, посмотри на мои ноги.

— Уже.

— Что на мне?

— Носки.

— А там?

Она не ответила.

— Значит, ты нашла шов.

Женский голос произнёс:

— Вербальное взаимодействие усиливает патологическую фиксацию. Рекомендуется прекратить контакт.

Красная линия на стене поднялась. Давление за правым ухом стало горячим, как прикосновение тонкой проволоки. Анна вскрикнула и схватилась за шею.

Михаил поднялся.

Она выставила перед собой осколок кружки.

Он снова остановился.

Не сказал, что она не причинит ему вреда. Не напомнил о браке. Не потребовал доверия.

— Мне надо пройти к стене за тобой, — произнёс он. — Ты можешь держать осколок. Но я возьму тебя за левое запястье, если поле начнёт тянуть.

— Поле не тянет.

— Хорошо. Тогда я ошибся.

Он произнёс это без спора. Анна увидела в этом не слабость, а попытку оставить ей возможность проверять настоящее по его реакции. Ложный Михаил никогда не ошибался. Он знал, чего хотел, почему пришёл и что она сделает дальше. Настоящий допускал, что не понимает систему.

В ту же секунду мышцы ног сократились. Анну потянуло к окну не физической силой, а командой собственного тела. Правая стопа шагнула вперёд без решения.

Она вцепилась в край стола.

— Это моторное наведение, — сказала она.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты заставила меня выучить аварийный протокол.

— Код?

— Четыре-девять-один. Ноль. Восемь.

Женский голос впервые повысился:

— Не вводите служебную последовательность. Нарушение процедуры приведёт к утрате данных.

— Каких данных? — спросила Анна.

Ответа не было.

Это было больше, чем признание кода.

— Иди, — сказала она Михаилу.

Он приблизился медленно, не сводя глаз с осколка в её руке. Когда очередной импульс согнул Анне колени, Михаил схватил её за левое запястье и дёрнул в сторону от светящейся стрелки.

Боль была настоящей. Пальцы сжали кожу слишком сильно.

Жёлтая комната сомкнулась вокруг них.

Теперь Михаил прижимал Анну к двери. Его предплечье лежало поперёк её горла. На лице не было ни страха, ни сомнения.

— Ты всё равно вернёшься, — сказал он.

Настоящий Михаил тянул её к полу.

Анна не могла различить два движения. В одном он спасал её от поля. В другом удерживал, чтобы она не убежала.

Осколок оказался у его шеи.

— Анна, — сказал он, и голос пришёл сразу из обеих комнат. — Пять.

Она замерла.

— Четыре.

Ложный Михаил сильнее надавил ей на горло.

— Три.

Настоящий не пытался отобрать осколок.

— Два.

Анна почувствовала холодный пол под коленями и давление его пальцев на запястье. Только два подтверждённых ощущения. Всё остальное могло быть построено.

— Один.

Она разжала руку.

Осколок упал и звякнул о плитку.

Михаил отпустил её запястье и бросился к сервисному люку. Пальцы нашли невидимую защёлку под нижней панелью. Он нажал одновременно в двух точках, сдвинул пластину и открыл узкий отсек с тремя рядами световых волокон.

— Голосовой код не сработает, — сказала Анна.

— Он не голосовой.

Михаил ввёл последовательность на механической мембране: четыре, девять, один, ноль, восемь.

Внутри модуля загорелся синий индикатор.

АВАРИЙНЫЙ ДОСТУП ПАРТНЁРА.

Анна увидела надпись раньше, чем панель погасла.

— Партнёра?

Михаил не ответил. Схватил чёрную рукоять и повернул против часовой стрелки.

Женский голос сказал:

— Михаил Андреевич, остановитесь. Ваша авторизация отозвана.

Он дёрнул рукоять на себя.

Из отсека ударил белый свет.

Анна почувствовала запах обожжённых волос. Боль за правым ухом вспыхнула и исчезла вместе с комнатой.

Перед тем как пропал свет, жёлтая дверь распахнулась.

За ней не было лестничной площадки. Только гладкая белая стена и детский голос, произнёсший слишком тихо, чтобы разобрать слова.

Дальше не было ничего.

Она очнулась на полу в прихожей.

Лицо касалось холодной доски. Рядом лежала полоска серого света, пробившаяся из-под защитной створки. В квартире не работала вентиляция. Где-то в темноте часто и неровно дышал Михаил.

Анна попыталась подняться. Левая рука отозвалась болью.

— Не двигай головой, — сказал он.

— Сколько?

— Что?

— Времени.

Зажёгся экран его карманного фонаря. Не сетевой, обычный диод. Михаил направил свет на пол, не в лицо.

На часах браслета было 00:17.

Последнее подтверждённое Анной время — 00:08. Она помнила красную линию, жёлтую дверь, код, белый свет.

Между ними отсутствовало девять минут.

— Я была без сознания?

— Не всё время.

— Что я делала?

Михаил провёл языком по разбитой губе.

— Стояла у окна. Говорила с оператором. Потом пыталась открыть ящик под раковиной.

Анна повернула голову слишком быстро. За ухом ожгло.

— Носитель?

— На месте. Я не дал тебе взять ключ.

— Ты держал меня?

— Да.

На левом запястье проступали четыре тёмных пятна.

— Почему я не помню?

— Потому что это была коррекция.

— Или потому что ты ударил меня.

— Если бы ударил, у тебя болел бы затылок. Ты проверишь всё равно.

Он протянул ей фонарь рукоятью вперёд.

— Проверь.

Анна осветила его руки, лицо, одежду. На костяшках не было следов удара. На правой ладони краснел ожог от аварийной рукояти. У губы запеклась кровь — её работа.

На затылке Анны не было боли. Только ожог за ухом и вязкая пустота в голове.

Она нашла бумажный блокнот на кухонном столе. Последняя строка была той, которую она записала перед проверкой семейного статуса. Новых записей не появилось. Почерк не изменился. Девять минут не оставили ей даже собственной версии.

Михаил сидел у входной двери, далеко от неё.

— Покажи ожог, — сказал он.

— Нет.

— Там может остаться активный контакт.

— Ты не врач.

— Но вижу, что кожа блестит.

Анна коснулась места за ухом и отдернула пальцы. На них осталась прозрачная капля, пахнувшая пластиком. Электродный гель. Значит, из настенной панели выдвинулся физический контакт в тот момент, когда она качнулась к столу.

— Только посмотри, — сказала она. — Не трогай.

Михаил подошёл после её разрешения. Свет фонаря скользнул по шее. Он держал свободную руку за спиной, словно заранее исключал случайное прикосновение.

— Овальная ожог. Кожа цела. В центре металлическая пыль.

— Убери её салфеткой.

— Мне придётся коснуться.

Анна досчитала до пяти.

— Убери.

Он использовал край чистой салфетки из аптечки и отступил сразу, как только закончил. Боль не уменьшилась. Но это было первое действие Михаила, которое Анна разрешила не потому, что не имела другого выхода, а потому, что выбрала его помощь.

Она не собиралась придавать этому большее значение.

— Как ты знал код?

— Мы настроили его, когда ставили домашний модуль.

— Надпись была «доступ партнёра».

— Да.

— Значит, система тоже считает, что мы были связаны.

— Система считает то, что в неё записали.

— Наконец-то разумная оговорка.

— Ты сама придумала эту формулировку.

— Не начинай.

Он почти улыбнулся, но губа не позволила.

— Во время провала я что-нибудь говорила кроме ответа оператору?

Михаил помолчал.

— Повторяла: «Не отдавай ему человека после».

— Кому?

— Не знаю.

— Ты уверен в словах?

— В первых четырёх. Последнее могло быть «себя».

Анна записала обе версии в блокнот, отделив их вертикальной чертой. Не память. Показание свидетеля, заинтересованного и непроверенного.

Но фраза не была похожа на речь человека, защищающегося от нападения. Она была похожа на инструкцию.

Анна добралась до стены и поднялась. Домашний модуль был мёртв. Оптический кабель лежал там же, где прежде. Михаил физически вынул из корпуса блок резервного питания; он стоял на полу, похожий на чёрное сердце с оборванными белыми сосудами.

В сервисном отсеке сохранился аварийный экран на отдельной батарее.

— Журнал, — сказала Анна.

— Я уже видел.

— Тогда отойди.

Он отошёл.

Анна открыла локальную запись. Сессия началась в 00:03. Внешний канал обозначался как закрытый медицинский маршрут без адреса. Оператор не был указан.

Причина вмешательства:

КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЛЕ КОНТАКТА С ЗАЩИЩЁННЫМ ЛИЦОМ.

Защищённое лицо: М. А. ОРЛОВ.

Ниже находилась строка согласия.

Анна ожидала увидеть подпись «Мнемоса», комиссию, лечащего врача, имя Ратникова
— кого угодно, кому можно было предъявить нарушение.

Вместо этого экран показал:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АВТОРИЗАЦИЯ: ВЕТРОВА АННА СЕРГЕЕВНА.

Дата подтверждения: 23 сентября 2041 года.

Три недели назад она сама разрешила системе защищать себя от Михаила.

Глава 7. Сестра помнит иначе

Софья остановилась в дверях процедурной, увидев Михаила.

В правой руке она держала бумажный стакан с кофе. Левая уже тянулась к карману зелёного рабочего жилета. На запястье была завязана красная нить — тонкая, выцветшая у узла.

— Ты, — сказала она.

Не вопрос. Не удивление.

Михаил сидел у стены на пластиковом стуле, положив обожжённую ладонь на колено. Разбитая губа успела потемнеть. Он не поднялся.

— Доброе утро, Софья.

Стакан в её руке едва слышно хрустнул.

Анна закрыла дверь за сестрой. Под расстёгнутым пальто была тёмно-синяя рубашка, на левом манжете которой проступило маленькое пятно засохшей крови.

— Сначала ожог. Потом ответы.

Софья посмотрела на неё внимательнее. Взгляд задержался за правым ухом, перешёл на четыре тёмных пятна вокруг левого запястья и только после этого — на лицо.

— Что произошло?

— Домашний модуль запустил нулевую сессию.

Кофе перелился через край стакана и тёмной каплей упал на серый пол.

Софья не спросила, что такое нулевая сессия. Она знала.

— Сядь, — сказала она.

— Ты одна в центре?

— До семи. Дежурная медсестра на втором этаже, но сюда не войдёт без моего допуска.

На настенных часах было 05:48. За матовыми окнами только начинал светлеть октябрьский двор. Реабилитационный центр ещё спал: пустые дорожки для тренировки шага, поручни вдоль стен, полки с чашками разного веса и застёжками, на которых пациенты заново учились пользоваться собственными руками.

Анна выбрала стул, с которого видела дверь и отражение коридора в стекле шкафа. Михаил остался у стены.

Софья поставила кофе на подоконник. Из левого кармана жилета на секунду показался старый латунный ключ. Его круглая головка была стёрта до мягкого блеска, а на бородке темнела неровная зарубка.

Михаил посмотрел на ключ.

Софья заметила и сразу спрятала его глубже.

— Он всё ещё у тебя, — сказал Михаил.

— Молчи.

— Что это за ключ? — спросила Анна.

— От кладовой.

Ответ последовал раньше, чем Софья успела коснуться аптечного шкафа.

Анна записала это мысленно. Не вывод. Несовпадение реакции и объяснения.

Софья надела перчатки, открыла стерильный пакет и вынула тонкую салфетку.

— Можно посмотреть ожог?

— Посмотреть — да.

Софья убрала волосы Анны в сторону левой рукой. Движение было точным и привычным. Красная нить скользнула по шее, и Анна вспомнила руку фигуры с инъектором — левую, поднятую в белой комнате.

Совпадение. Пока только оно.

— Контакт входил в кожу? — спросила Софья.

— Кожа цела. Металлическую пыль мы убрали.

Софья достала из ящика не сетевой сканер, а складную лупу с тремя стеклянными пластинами. В центре запрещали подключать неизвестные травмы к общей диагностике: слишком многие пациенты приходили после процедур, проведённых без лицензии, и приносили на коже чужие протоколы доступа.

Она направила на ожог маленький фонарь.

— Два контакта, — сказала она. — Основной и заземляющий. Между ними след полимерного геля.

— Домашний модуль может выдвигать физический электрод?

— Серийный — нет.

Софья замолчала, поняв, что ответила слишком точно.

— А мой?

— После твоего возвращения «Мнемос» заменил часть оборудования. Я не видела спецификацию.

— Но знала, что заменил.

— Я проверяла квартиру перед тем, как тебя выписали.

— Кто попросил?

— Ты.

— До аварии или после?

Софья опустила лупу.

— После. Когда уже могла разговаривать.

— Я не помню, чтобы могла связно разговаривать в первые двое суток.

— Ты могла отвечать «да» и «нет».

— Этого достаточно, чтобы разрешить перестройку домашнего нейроконтурa?

— Я не разрешала перестройку. Я проверяла, убрали ли активные каналы.

— Не убрали.

На этот раз Софья не нашла безопасного ответа.

— Мы?

— Михаил.

Пальцы сестры замерли на расстоянии нескольких миллиметров от ожога.

— Ты позволила ему тебя трогать?

— Я попросила обработать рану.

— После того как система назвала его причиной конфликта?

Анна повернула голову.

— Откуда ты знаешь, как система его назвала?

Софья отвела руку.

— Ты сказала, что была нулевая сессия. Она всегда запускается из-за конфликта профиля.

— Я не говорила, что причиной был Михаил.

Сестра сняла перчатки и выбросила их. Новые надела не сразу.

— Он здесь. Это несложно связать.

— Связать можно многое.

Михаил тихо произнёс:

— Она всё ещё считает, что мы не были женаты?

Софья резко повернулась к нему.

— Вы не были женаты.

Анна ожидала паузы. Её не было.

— Совсем?

— Совсем.

— Двенадцатого октября две тысячи тридцать седьмого года мой семейный статус изменился.

Софья снова взяла салфетку, хотя первая оставалась чистой.

— Вы зарегистрировали совместное проживание. Тогда так делали многие. Для страховки, доступа к врачам, права принимать решения в экстренной ситуации.

— В медицинском шлюзе это называется семейным статусом.

— Там много что называется не так, как в жизни.

— Я носила кольцо не меньше двадцати восьми месяцев.

— Кольца носят не только жёны.

— Ты знала о нём?

— Конечно.

— Как оно выглядело?

Софья провела большим пальцем по красной нити.

— Серебряное. Узкое. Без камней.

— На какой руке?

— На правой.

— Кто его купил?

— Ты сама.

Михаил поднял взгляд.

— Мы выбрали их вместе. На рынке у Курского вокзала. Она взяла два одинаковых, потом заставила мастера сделать своё на четверть миллиметра уже.

— Потому что широкое мешало сгибать палец, — сказала Софья.

Фраза вырвалась у неё без паузы.

Анна посмотрела на сестру.

— Ты присутствовала?

— Ты рассказывала.

— Когда?

— После покупки.

— В каком году?

— В тридцать восьмом.

— Михаил утверждает, что регистрация была в октябре тридцать седьмого.

Софья поправила край упаковки, которой уже не пользовалась.

— Значит, я путаю год. Это было давно.

— Но уверена, что брака не было.

— Да.

— Почему в моих вещах нет ни кольца, ни фотографий Михаила?

Софья расправила пластырь на ладони. Делала это левой рукой, правой придерживая упаковку.

— Потому что ты выбросила всё после расставания.

— В августе?

— Да.

— Какого числа?

— Анна, я не веду календарь твоих ссор.

— Третьего сентября семейная запись была переведена в защищённый режим. Если мы расстались в августе, почему это сделали позже?

— Потому что он продолжал приходить.

— Куда?

— Домой. На работу. В центр.

Михаил не изменил позы.

— В центр я пришёл один раз, — сказал он. — Двенадцатого сентября. Ты сама меня вызвала.

— Я просила тебя не говорить.

— Анна просила ответы.

— Она не знает, что спрашивать.

Слова прозвучали небрежно, почти устало. Именно поэтому боль от них пришла без предупреждения.

Анна смотрела на сестру.

— А ты знаешь?

Софья закрыла упаковку пластыря, слишком тщательно совместив края.

— Я знаю, что три недели назад тебя едва не потеряли. Знаю, что сейчас ты сидишь с ожогом от домашнего контура рядом с человеком, от которого сама приказала себя защищать. И знаю, что он воспользуется любой дырой в твоей памяти.

— Тогда объясни, почему я дала ему аварийный доступ партнёра.

— Потому что раньше доверяла ему.

— Но не была замужем.

— Нет.

— И носила кольцо почти три года.

— Да.

— И закрыла семейную запись после расставания.

— Да.

— И оставила ему код, способный остановить процедуру, которую сама санкционировала против него.

Софья наконец подняла взгляд.

— Ты всегда оставляла запасной выход.

Фраза была сказана с такой уверенностью, что могла принадлежать человеку, который видел эти выходы раньше.

Анна протянула руку.

— Пластырь.

— Я наклею.

— Дай мне.

Софья отдала пластырь. Анна прикрепила его сама, ориентируясь по отражению в тёмном стекле шкафа. Край лёг неровно, но ожог оказался закрыт.

— Теперь файл, — сказала она.

Софья побледнела.

Анна не произносила этого слова с момента прихода.

— Какой файл?

— Тот, о котором ты только что подумала.

— Я подумала о твоей медицинской карте.

— Карта не лежит на чёрном носителе с цифрой семь.

Левая рука Софьи сжалась. Красная нить натянулась на коже.

— Ты его открыла?

Михаил закрыл глаза на секунду.

Анна слышала не вопрос сестры, а доказательство.

— Что должно было произойти, если я открою?

— Ничего не должно было происходить.

— Это не ответ.

— Ты могла получить судорожную реакцию, спутанность источника, остановку дыхания. Я работаю с последствиями таких подключений каждый день.

— Тогда почему ты спросила только, открыла ли я его, а не жива ли я после подключения?

Софья посмотрела на пластырь за её ухом.

— Потому что вижу, что ты жива.

— Внутри была запись двадцатого октября.

Красная нить на левом запястье Софьи качнулась, когда она резко опустила руку.

— Что именно?

— Ты ожидала дату?

— Нет.

— Тогда почему не спросила, как может существовать запись будущего?

— Потому что знаю, как работает подделка.

— Ты назвала это подделкой до того, как увидела хоть один параметр.

— А ты назвала воспоминанием до того, как доказала источник.

Это был хороший ответ. Анна почти почувствовала облегчение — сестра всё ещё умела спорить с ней на одном профессиональном языке. Потом заметила, что Софья ни разу не попросила показать носитель.

Человек, впервые услышавший о невозможном файле, захотел бы увидеть хотя бы оболочку. Софья хотела только, чтобы его больше не открывали.

— Почему ты решила, что носитель открывается?

— Любой носитель открывается.

— Не любой требует живого нейронного ключа.

Софья посмотрела на Михаила.

Не на Анну, которая произнесла слова. На него.

— Ты дал ей подключиться?

— Когда я пришёл, она уже видела запись.

— Запись, — повторила Анна. — Не данные, не сообщение. Ты знала, что там эпизод.

— Я ничего не знала.

— Ты спросила, открыла ли я его, раньше, чем спросила, что на нём.

Софья отвернулась к раковине. Включила воду и держала руки под струёй, хотя перчатки сняла несколько минут назад. По стенкам белой чаши бежали тонкие розовые линии от слишком горячей воды.

— Иногда ты говоришь как врач, — сказала она. — А иногда как следователь, который уже выбрал виновного.

— Я выбрала только порядок вопросов.

— Это тоже контроль.

— Ты сейчас защищаешь меня или себя?

Вода продолжала течь.

Михаил поднялся.

Софья выключила кран и повернулась так быстро, что локтем задела стакан на подоконнике. Кофе разлился по белой поверхности, обогнул горшок с сухим растением и потёк вниз одной тёмной струёй.

Из кармана выпал латунный ключ.

Он ударился о подоконник, затем о пол. Звук был негромким, но в пустом центре разошёлся далеко.

Никто не наклонился первым.

— От кладовой? — спросила Анна.

Софья смотрела на ключ.

— Да.

Михаил сказал:

— У кладовой была жёлтая дверь?

Софья закрыла глаза.

Этого оказалось достаточно.

Анна подняла ключ. Металл был тёплым от кармана сестры. На круглой головке виднелась едва различимая буква «С», процарапанная вручную. В углублении у бородки застряла крупинка жёлтой краски — не свежей, а потемневшей, с тонкой сетью трещин.

— Это не ключ от современной кладовой, — сказала Анна. — Нарезка механическая. Замку не меньше двадцати лет.

— В старом корпусе центра есть механические двери.

— Старый корпус перестроили в тридцать пятом. Я видела технический паспорт на входе.

Софья бросила взгляд на стенд рядом с дверью. Там действительно висела схема реконструкции здания.

— Значит, от другого замка. Какая разница?

— Ты прятала его от Михаила. Разница есть.

Михаил встал со стула, но не приблизился.

— Я видел этот ключ у неё один раз, — сказал он. — В сентябре прошлого года.

— Где? — спросила Анна.

— Здесь. Она достала его, когда сказала, что тебе больше некуда возвращаться.

— Я сказала не так, — возразила Софья.

— Как?

— Что возвращаться опасно.

Тишина после её слов была короче вдоха, но отменить их уже было невозможно.

— Куда возвращаться? — спросила Анна.

— Я говорила не о месте.

— Ключ говорил о месте.

Софья посмотрела на жёлтую крупинку в её ладони, и Анна увидела знакомую попытку принять решение за другого человека раньше, чем тот поймёт, что выбор существовал.

— Верни, — сказала Софья.

— От чего он?

— Не сейчас.

— Это ответ, который даёт человек, когда знает правду и считает меня недостаточно целой, чтобы её услышать.

— А ты считаешь себя целой?

Анна почувствовала ожог за ухом, синяк на запястье, пустые девять минут между 00:08 и 00:17. Вопрос попал точно. Софья всегда умела находить место, где забота и жестокость отличались только намерением.

— Достаточно целой, чтобы решать, что мне знать.

— Ты уже решала, — сказала Софья. — Двадцать третьего сентября. И результат тебе не нравится.

— Ты была там?

Софья сжала губы.

— После аварии я забрала тебя из клиники.

— Из какой?

— Из «Мнемоса».

— В официальной записи меня нашли в лаборатории через сорок минут после сбоя.

— Тебя перевезли.

— Кто?

— Я не знаю.

— Во сколько ты меня увидела?
— Около одиннадцати вечера.
— В журнале поступления стоит 20:16.

Софья моргнула.

— Тогда около девяти.
— Ты только что передвинула воспоминание на два часа.
— В ту ночь я не смотрела на часы.
— Но помнишь, что брака не было четыре года назад.

Софья опустила на край кушетки. Впервые с момента прихода она выглядела не как специалист, контролирующий ситуацию, а как человек, который слишком долго держал тяжёлую вещь и не мог безопасно поставить её на пол.

— Я помню, как ты плакала из-за него, — сказала она.

Михаил отвернулся к окну. За стеклом первая машина центра медленно очищала дорожку от ночного инея. Щётка оставляла на белой поверхности две параллельные тёмные полосы.

— Когда?
— После расставания.
— Где?
— У меня дома.
— Что было на мне?
— Серый свитер.

Михаил тихо произнёс:

— У тебя не было серого свитера в августе. Ты его сожгла весной утюгом.
— Я не спрашивала тебя, — сказала Софья.

Анна увидела белый шов не в памяти, а в рассказе. Слишком гладкая сцена: плачущая сестра, серый свитер, безопасный дом. Убедительная эмоция и деталь, которая могла не существовать.

— Я плакала? — спросила она.

Софья посмотрела на неё.

— Нет.

Ответ был почти неслышным.

— Тогда зачем сказала?
— Потому что так было бы легче объяснить.
— Кому?
— Тебе.

В комнате за стеной щёлкнул таймер климатической системы. Начал работать вентиляционный контур. Над дорожкой для тренировки шага зажглись лампы одна за другой, превращая металлические поручни в две длинные белые линии.

Анна положила ключ рядом с блокнотом.

— Я оставлю его у себя.
— Нельзя.
— Почему?
— Потому что ты пойдёшь туда.
— Куда?

Софья поняла, что снова сказала больше, чем собиралась.

Михаил не помог ей. Только смотрел.

— Я не дам ему вести тебя, — сказала Софья.
— Он не знает адреса. Ты закрыла его на договоре.

Софья перевела взгляд на тёмно-синий конверт, край которого виднелся из сумки Анны.

Ещё одна реакция раньше объяснения.

— Ты принесла бумаги сюда?

— Откуда ты знаешь, что адрес закрыт на договоре?

Софья встала.

— Уходите.

— Софья.

— Центр откроется через час. У меня пациенты, которым нужна помощь, а не допрос.

— Мне тоже нужна помощь.

Лицо сестры изменилось. Защитная жёсткость исчезла, оставив усталость и страх.

Она шагнула к Анне и остановилась, не решаясь коснуться.

— Тогда не открывай файл снова. Не едь по адресу. И не верь ему только потому, что тело что-то узнаёт. Тело можно научить чему угодно.

— Это профессиональное мнение или личный опыт?

Софья не ответила.

Анна убрала латунный ключ в карман. Михаил надел пальто. Когда они вышли в коридор, Софья осталась в процедурной, стоя между разлитым кофе и белой раковиной.

Дверь за ними закрылась не до конца.

Анна прошла несколько шагов и остановилась.

Из процедурной донёсся тихий напев.

Софья всегда напевала, когда боялась. Анна помнила это с детства, хотя не могла вспомнить ни одного случая, когда впервые услышала мелодию.

Первая нота поднялась. Вторая вернулась ниже. Потом ещё пять — ровно, без слов, с короткой паузой перед последней.

Анна считала, не дыша.

Семь.

Мелодия не завершилась привычным разрешением. Последняя нота просто оборвалась, как будто после неё должна была прозвучать команда, которую Софья не решалась произнести вслух.

Те же семь нот звучали за белой дверью в её повторяющемся сне.

Глава 8. Комната без фотографий

У двери квартиры Анна остановила Михаила ладонью.

— Внутри войдёшь после меня. Ничего не трогаешь без разрешения.

— А если что-то загорится?

— Назовёшь предмет и место.

— Если загорюсь я?

Она посмотрела на ожог на его правой ладони.

— Это уже произошло.

Замок не отвечал. После нулевой сессии квартира оставалась без питания, защитные створки на окнах были опущены, а внутренний механизм двери застыл в закрытом положении. Анна достала из сумки аварийный ключ. Он отличался от латунного ключа Софьи: плоский, серый, с заводской насечкой. Вставить его нужно было под углом, одновременно прижимая ручку вниз.

Михаил отвернулся к лестнице, будто не хотел показывать, что знает последовательность.

— Смотри, — сказала Анна.

Он повернулся.

— Я хочу видеть, что ты узнаёшь.

— Хорошо.

Она открыла дверь. В квартире пахло остывшим пластиком и пылью, которую обычно забирала вентиляция. Утренний свет не проходил через створки. Узкая полоска серого неба лежала только на полу прихожей, там, где одна из пластин остановилась на сантиметр выше другой.

Анна включила карманный фонарь. Луч выхватил ботинки, шкаф, край зеркала. Собственное лицо появилось в нём неожиданно: бледное, с белым пластырем за правым ухом. На левом запястье проступили четыре тёмных пятна.

Михаил вошёл и снял обувь.

— Это привычка или попытка вызвать доверие?

— Пол грязный, — сказал он.

— Он был грязным и вчера.

— Вчера я надеялся остаться меньше.

Анна закрыла дверь механически, не подключая блокировку. Проверила металлический ящик под раковиной. Замок цел. Чёрная пластина находилась в прозрачном контейнере, активным слоем вниз. Она не стала открывать крышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.